

Евсения
МЕДВЕДЕВА

КУПИМ МАМУ
Блондинки
не предлагать

Евсения Медведева

**Купим маму. Блондинок
не предлагать**

«Автор»

2026

Медведева Е.

Купим маму. Блондинок не предлагать / Е. Медведева —
«Автор», 2026

— Купим маму, блондинок не предлагать! Пиши, только без ошибок, — пиццала одна из близняшек, уродуя красным маркером мои документы.— А что, если не получится?— Получится! Хомяка же мы купили? И маму купим— А почему не блондинку? Они красивые— Папа говорит, что они пустоголовыеОн – подполковник Арсений Давлатов, человек, у которого даже тапочки в прихожей стоят по стойке смирно. Она – Анна Смолова, бизнес-леди, трижды разведенка, уверенная, что все принцы либо сбежали, либо уже окольцованы. Что может быть между ними общего? Ничего, кроме двух близняшек, решивших купить маму, не спрашивая мнения «верховного главнокомандующего». Теперь подполковнику предстоит самая сложная кампания в его жизни: смахнуть пыль с методички по обольщению женщины, что давно не верит в сказки. А Ане – признать, что настоящий мужчина, способный на поступок и верность – не вымирающий вид из Красной книги.

© Медведева Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	42
Глава 10	46
Глава 11	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Евсения Медведева

Купим маму. Блондинок не предлагать

Глава 1

— Купим маму...

Сначала я подумала, что детские голоса мне послышались... Я бросила свои вещи, обернулась, осматривая совершенно ужасный кабинет, обитый старыми деревянными панелями, но здесь было пусто... Да и эхо голосов пропало.

Чёрт, это перенапряжение, выгорание, депрессия... Короче, все новомодные слова, описывающие усталость. А я не просто устала, я еле стою на ногах, ещё и голоса какие-то слышатся.

Со злостью пнула портфель и рухнула в кресло, где ещё недавно сидела задница бывшего мэра. Чихнула от внезапно взорвавшегося в воздухе облачка пыли, откинулась на спинку и закрыла глаза, делая глубокие вдохи.

— Ну что, Ань, допрыгалась? Ты была помощником губернатора, а теперь заменяешь продажного мэра... Это успех, — проскулила я, понимая, что карьера моя на этом и закончилась. — Или провал...

— Ариша, возьми другой маркер! — снова раздался странный полуписклявый голосок, и звук этот шёл напрямик из приёмной...

Какого чёрта? Я же лично открыла мэрию, тут никого не было.

Я медленно поднялась, скинула туфли и на цыпочках двинулась к дверям. Старый раскохшийся паркет предательски скрипел, в голые ступни впивались занозы. Я чуть не взвизгнула от резкой боли и замедлилась, тщательно обходя шербохатые дощечки.

— Пиши: «Блондинок не предлагать!» — грозно зазвенел явно девчачий и явно детский голосок, а после раздался дружный смех.

— Почему? Мне нравятся блондинки.

— Бабушка говорит, что они тупоголовые. А папа любит умных!

— Ариша, откуда ты знаешь, каких любит папа?

— Мариша, пиши, говорю!

— Не буду! Мне нравятся блондинки!

За стенкой послышались возня, крик и резкий звон стекла, а после — полная тишина...

Я инстинктивно рванула вперед, распахнула дверь, но приёмная была пуста, только две тёмные макушки шмыгнули под стол.

Не знаю почему, но мне стало смешно. Смотрела на куцые детские хвостики, украшенные яркими резиночками, и улыбалась. Я обернулась, пытаюсь понять, откуда здесь взялись дети, но и приёмная, и коридор были по-вечернему пусты.

Я сделала шаг, заметив на столе хаос из бумаг и жирный красный маркер, с помощью которого были исписаны оборотки некогда важных документов. Почерк был детским, кривоватым, линия то и дело уезжала то вверх, то вниз, превращая серьёзное объявление в шуточный манифест против блондинок:

«Купим маму. Блондинок не предлагать!»

Я машинально провела рукой по светлым локонам и не выдержала, вслух расхохотавшись.

— Шпионам привет! — я уперлась в стол и чуть перегнулась через него, натываясь на две абсолютно одинаковые хитрые мордочки.

Близняшки... Симпатичные, перепуганные, носики курносые, жирные кляксы веснушек и огромные глаза, полные ужаса.

— Ну вот... Блондинка, — одна из девчушек сложила на груди руки и нахмурилась, отводя от меня совершенно разочарованный взгляд. — Ты накаркала!

— Блондинка! — вторая же, наоборот, произнесла это с каким-то восторгом. Девчонка смотрела на меня, как на божество, хлопала наивными глазками, и её улыбка становилась все шире и шире. — Красивая-я-я-я! Мариш, смотри!

— Уходим, — та, что посерьезнее, поднялась, отряхнула колени и собрала со стола испи-санные листки, а после схватила свою сестру и потащила к выходу.

— Стоять! — скомандовала я, преграждая им путь отхода. — Вы кто?

— Я — Ариша, а это Мариша, — захихикала та, что была более благосклонна к блондинкам.

Они были как домино: легкая, светлая, радостная против хмурой, рассерженной и откровенно подозрительной. Полные противоположности, но с виду совершенно идентичные.

Девчонки были в одинаковых красных комбинезончиках, и отличали их только прически и разноцветные кеды, но и тут случилась оказия. Малявки замиксовали синие и красные кеды, что делало их образ законченным.

— И чего мы тут делаем? — я машинально посмотрела на часы, стрелки которых показывали восемь часов вечера.

Я сама-то заехала в мэрию, чтобы забросить коробки. В трёх ящиках и портфеле уместилась вся моя жизнь за все время работы в администрации губернатора. Семь лет и кучка ненужных бумажек, которые можно было и вовсе не забирать.

— Ариша, идём! — строго приказал самая бойкая, пытаюсь сдвинуть сестру с места, но та упиралась, продолжая глазеть на меня. — Идём, сейчас отец поймёт, что мы сбежали!

— Вы что, сбежали из дома? — охнула я от ужаса, потому что девчонкам на вид было не больше шести лет. — Ну и что вы тут делаете?

На дворе осень, темнеет рано, а освещение в городе если и есть, то только на центральных улицах. Но мэрия находилась в переулке напротив полицейского участка.

— Мы хотели написать объявление, — Ариша сбросила руку сестры и сделала шаг ко мне навстречу. Чтобы не возвышаться над девчонками, мне пришлось присесть на корточки, чуть придерживая распахивающиеся полы юбки с разрезом. — Мы слышали, как папа говорит, что в мэрии принимают объявления. Вот мы и решили тоже написать!

— И что же вам требуется? — я улыбнулась и убрала со лба Ариши выбившиеся пряди, что лезли в глаза.

— Эх... Мы ищем маму, — горько вздохнула девчонка и с опаской посмотрела на недовольную Маришу, а после протянула мне листок, что все это время прижимала к груди. — Вот... Тётя, вы можете передать это объявление дяде мэру? Только скажите, что это срочно. Очень срочно!

— Договорились, — я сглотнула невесть откуда взявшийся в горле ком и приняла объявление из рук девочки. — Но взамен я провожу вас домой. Идёт?

— Нет! — заупрямилась Мариша и принялась довольно грубо толкать сестру в спину. — Ариша, идём, а то нам от отца влетит! Блондинкам нельзя доверять, а ты ей ещё и наше последнее объявление отдала.

Ариша очнулась, явно испугавшись гнева отца, и малявки, не сговариваясь, прошмыгнули мимо меня, и по пустому коридору мэрии загрохотали детские торопливые шаги.

Я пулей вернулась в кабинет, впрыгнула в лодочки, забрала сумку и, выключив везде свет, рванула за проказницами. Но далеко они не ушли...

Девчонки замерли на крыльце, утопая в густых сумерках. Справа надрывались собаки, из рощи разливалось пугающее эхо филина, а с трассы тянулся гул пролетающих автомобилей. Девчонки прижались друг другу и не шевелились, боясь шагнуть в темноту.

Я с облегчением вышла, заперла двери на ключ и присела около них.

— Ну что, бандитки? Страшно? Давайте так, я провожу вас домой и поговорю с папой, чтобы он вас сильно не наказывал?

— Плохой вариант. Папа никогда нас не наказывает, только смотрит вот так, — Мариша вдруг подалась вперед и выпучила серые глазища. — Страшно? Вот и нам страшно...

— Не страшнее, чем идти по темноте одним. Итак? Где живёте? — мне пришлось прикусить щеку, чтобы не расхохотаться от забавной мордочки, больше похожей на перепуганного ёжика. — Адрес помните?

— Нет... — замотала головой Ариша, и в её глазах выступили слёзы. — Мы только приехали, а учили мы только прошлый адрес. Город Москва, улица Строителей, дом пятнадцать, — отчеканила она без запинок, а потом пустилась в рёв. — А новый мы ещё не выучили-и-и-и-и-и...

Как ни странно, но бойкая Марина тоже захлопала носом, оборачиваясь вокруг своей оси, словно пыталась вспомнить, откуда они пришли. Однако растерянность в её взгляде говорила лишь о том, что тьма поглотила все ориентиры.

— Спокойствие, только спокойствие, — я взяла две крошечные ладошки в свою руку и чуть потрясла. — Город у нас маленький, если только вы не приехали на автобусе. Нет же? Пешком пришли?

— Пешком, — хором ответили они и затрясли головами.

— А живёте где? Квартира? — я обернулась в сторону площади Колесникова, где начинался микрорайон с многоэтажками.

— Нет... — девочки снова затрясли хвостиками.

— А вот это сложнее, — протянула я, потому как наш город почти целиком состоял из частного сектора. А с другой стороны — ну не могли же эти малявки уйти далеко от дома?

— Так, а про мэрию откуда узнали? Вас кто-то привёз?

— Нет, папа из окна показал, — всхлипнула Арина и вдруг прильнула ко мне, а следом прижалась и Марина.

Девчонки просто повисли на мне, и я покачнулась. Мои жалкие пятьдесят килограмм даже при всем желании не смогли бы удержать их напор. Но я вовремя выставила руку, удерживая равновесие, схватившись за старенькие перила крыльца.

— Ну, раз мэрию видно из дома, значит, мы на верном пути, — я аккуратно поднялась, прижимая малявок к себе, и обернулась, пытаясь успокоить не столько их, сколько себя. — А что видно? Задний двор или крыльцо? Вот эти колонны видно было?

Я скрипнула зубами, напомним себе завтра же натянуть хозяйственную службу за отсутствие уличного освещения вокруг мэрии. Пришлось достать телефон и фонариком осветить на колонны старой советской застройки.

— Крыльцо. Да, эти столбики я видела!

— Не было там столбиков, Ариша! Там вывеска была!

— Так, тут единогласно, потому что вывеска над крыльцом, — я мысленно наметила путь и достала из кармана ключи от машины.

Так... А то, что я сажаю детей в машину, попадает по уголовную ответственность? Вдруг их папаша решит вызвать полицию? Вдруг подумает, что это я украла его принцесс?

А что? Я бездетная разведенка, думаю, что судья сочтёт это за отягощающий фактор. Ну, выхода было два: везти их в полицейский участок, правда, и его окна были тёмными, а значит, Котёночкина, вернее, Ломова уже дома, либо попытаться найти папашу, упустившего своих детей.

Я на всякий случай набрала номер Лены, но телефон ответил мне автоответчиком, намекая на то, что выбора-то особого у меня и нет. Ну не бросать же детей? Я хоть и не мать, но базовые материнские настройки заложены в любую женщину. Наверное...

Усадила девочек на заднее сиденье, защёлкнула ремни безопасности и, пробормотав молитву, потому что доселе мне никогда не приходилось возить в машине детей, аккуратно тронулась в нужную сторону.

— Так, леди, вертим головушками, внимательно смотрим направо и налево и ищем дом, где вас ждёт папа. Дом-то помните?

— Неа, — замотала головой Арина. — Нас бабушка привезла только сегодня, мы даже игрушки не успели разобрать.

— И сразу бросились искать маму? — улыбнулась я, наблюдая за переглядыванием хитрюшек на заднем сиденье.

— Ну, мы подумали, что раз дома папа не нашёл нам маму, может, она живёт здесь? — Марина смотрела в одно окно, Арина в другое, причем довольно внимательно, очевидно, всерьез испугавшись последствий своего побега.

— А почему ваш папа не может найти маму? Он что, страшный, как серый волк?

— Нееет! — хором откликнулись девочки. — Папа у нас красивый, как принц. Зубы белые-белые, глаза серые-серые, уши больши-и-ие...

Я снова напряглась, только бы не заржать, представляя этого «писаного красавчика». Большие уши, белые зубы, серые глаза — ну точно серый волк. И уже вовсе не странно, что не может найти жену. Хотя странно другое — почему он остался с детьми?

Я аккуратно посмотрела в зеркало, но задавать этот вопрос детям не стала. Мало ли что... Вдруг их мама болела и умерла, а я тут со своими вопросами.

Девчонки уже явно нервничали, все чаще переглядывались, их бойкость и решительность стала сменяться страхом.

— Вот! Качели! — закричала вдруг Марина, и я сбросила скорость, прижимаясь к обочине напротив небольшого серого дома.

В этом районе я никогда не была, поэтому с любопытством рассматривала симпатичные и довольно свежие домики, выполненные в одной стилистике. Серые фасады, единый невысокий заборчик и детские площадки. Неудивительно, что девочки узнали его по качелям.

— Спасибо, тётя... — Арина вдруг запнулась, поняв, что прокатились с женщиной, имени которой не знают.

— Меня зовут Аня, — я улыбнулась и помогла девочкам расстегнуть ремни безопасности. И когда эти шкодницы вышли, по коже морозец пробежал. А что если они перепутали? Я что, высажу их у дома и отправлюсь спать?

Я решительно распахнула дверь и догнала бандиток, что неуклюже пытались достать до щеколды калитки.

— Вы как на улицу-то вышли? — я сама с трудом сдвинула засов и, пропустив малявок вперед, двинула следом по извилистой тропинке.

— Ариша, ты первая!

— Нет, ты!

— Давайте я? — перебила я их спор, а девочки и вовсе нырнули мне за спину, схватившись за полы юбки.

Но стоило мне коснуться двери, как створка резко распахнулась. От неожиданности я покачнулась и, в попытке сохранить равновесие, выставила обе руки вперед, а в следующий миг ладони вспыхнули жаром.

Я с ужасом наблюдала, как мои ногти входят в золотистую кожу обнаженной и явно мужской груди. Мышцы стальные, крепкие, по рельефу стекают прозрачнее капельки воды, бликуя в тёплом свете фонаря над дверью.

Чуть сместила взгляд и охнула, рассматривая убийственно красивый торс. Кубик к кубику, мускул к мускулу... А ещё меня оглушило флешбэком, словно все это я уже не только видела, но и чувствовала.

Мне стоило всех сил, чтобы собраться с силами и поднять голову, но перед этим я выдавило хриплое:

— Ваши диверсанты?

Я смело подняла голову, уже смирившись, что первое впечатление испорчено... А после взвизгнула, напоровшись на знакомый хитрый прищур серых глаз.

И правда... Серые. И зубы белые, только уши нормальные.

— Давлатов? — чуть ли не вскрикнула я и машинально обернулась, посмотрев на искаженные удивлением лица девчонок. — Это что... Это твои дети?

— Аня? — Арсений не просто был удивлен, он вмиг побледнел, после побагровел, а заметив направление моего взгляда, и вовсе перешел на зубодробительный ор: — Арина? Марина? ВЫ как тут...

В какой-то момент мне стало жаль Давлатова. Его взгляд опустел, на висках вздулись вены, даже губы посинели от какого-то животного ужаса, что передался морозцем даже мне. Арсений смотрел сквозь меня, его трясло, зубы скрипели. Было видно, что он сильно сдерживается, чтобы не заорать раненым медведем.

— Папочка! — девчонки перешли в наступления, не брезгуя самым низким психологическим воздействием – водопадом детских слез. — Мы думали, что потерялись! Думали, что больше никогда-никогда тебя не увидим! И если бы не тётя Аня...

— Стоп! — скомандовал Арсений, подхватывая своих близняшек на руки. — Я не понял, вы что, сбежали из дома? Я вас уложил спать. А вы убежали?

— Это Марина! — тут же сдала сестру Ариша. — Она открыла окно, а там стояла бочка...

— Нет, это Арина слышала твой разговор, что в мэрии принимают объявления!

— Какие... Какие объявления? — Арсений явно прикусил язык, чтобы не сболтнуть ничего лишнего, и нахмурился, медленно переводя взгляд на меня.

А я, как шибанутая идиотка, следила за этим милым спектаклем. Этот сухой резкий и безэмоциональный подполковник так органично смотрелся с двумя малютками на руках, что у меня чуть слезы на глаза не навернулись.

И как он... Откуда у него дети???

— Вот, — я достала из кармана улику и взмахнула ею в воздухе.

— Купим маму, блондинок не предлагать? — ошарашенно прочитал Арсений и закрыл глаза, чтобы оградить девочек от тайфуна только что пережитых моций.

Его состояние выдавали лишь вибрирующие яростью желваки.

И даже в гневе он был прекрасен...

Когда моя подруга, майор полиции Котёночкина, угодила в водоворот страсти со своим новым соседом, прокурором области Денисом Ломовым, это было полбеды. Остатки подъехали чуть позже вместе с экстренным появлением его друзей из правоохранительных структур, вот среди них и был Арсений Давлатов. При первой встрече он мне категорически не понравился. Я даже его прозвала «железяка в погонах». Такой строгий, правильный, даже слегка холодный. А я терпеть не могу таких вот мужиков. Они же всегда правы... Есть только их мнение, а оно автоматически становится единственно верным.

Но все изменилось в день, когда Давлатов спас меня из пожара... Я сквозь дурман помню, как он, удерживая меня в своих стальных объятиях, выносил из сизого облака едкого дыма... Я не могла дышать, плыла, мысли были разрозненны, и слышала лишь голос Давлатова, за него и цеплялась, чтобы не потерять сознание.

— Пап, мы больше не будем! — хором пропищали девчонки, обхватывая отца за шею.

— И чем же вам, подполковник Давлатов, не угодили блондинки? — я еле отдышалась, натянула улыбку и игриво перебросила через плечо пепельную гриву.

— Папа говорит, что они бедовые, — ответила Ариша, а Давлатов покраснел.

— А бабуля говорит, что пустоголовые, — добавила Марина, и по тихой вечерней улице зазвенел их шкодливый смех.

Бандитки... Ой, бандитки.

— Так, вы мне зубы не заговаривайте! — зарычал Арсений, и девчонки присмирели. — Я вас уложил спать, а вы сбежали? Серьёзно? Но это ещё не всё! Вы сели в машину к незнакомой тёте, а это категорически запрещено. Чему я вас учил?

— Но ты... Ты говорил, что нельзя садиться к дядям, — смущенно ответила Марина, не рискуя поднимать взгляд на отца.

Я прям видела, как бледнеет Давлатов, осознав провал в педагогических запугиваниях детей дядями с конфетками и приглашением покататься, произошёл сбой. Ведь тёти тоже могут быть незнакомыми...

— Арсений Андреевич, — я вмешалась и машинально поправила сбившийся хвостик Аришки. — Девочки готовы получить законное наказание, а ещё я уверена, что воспитательные беседы лучше улягутся в их головах утром.

— Марш в свою комнату! — рыкнул Давлатов, опуская бандиток на пол.

— Пока, тётя Аня, — шепнула Арина, а Марина просто помахала рукой. Они аккуратно сняли кеды, поставили их на полку и, взявшись за руки, ушли вглубь дома.

— Ань, спасибо тебе огромное! — Арсений, придерживая полотенце левой рукой, протянул мне правую. — Ты где их нашла?

— Девочки услышали твой разговор про мэрию и объявления, вот и отправились прямо-ком туда, чтобы найти для себя маму, — я тихо рассмеялась, помахав обернувшейся Арише. — Я вечером заехала забросить вещи, а потом услышала их голоса. Твои девочки смекалистые, Давлатов, ты за ними приглядывай и не рассказывай, что Дед Мороз тоже умеет выполнять желание, потому как ловить придётся в Великом Устюге.

— Чёрт, — зашипел он и махнул кулаком, чувствуя, что проказницы до сих пор подглядывают. — Мэрия? Тебя сослали в эту мэрию?

— Да, после задержания Богданова губернатор отправил меня сюда, пока не найдут нормального кандидата, — я тяжело вздохнула, вновь возвращаясь в свои проблемы, из которых так шустро вытянули меня малявки.

А ведь я уже и забыла о ссылке, о своей уютной квартирке в центре и о старом почти рассыпающемся здании моей новой работы.

— А ты? Я думала, после свадьбы Ломовых ты уедешь в Москву.

— Я взял отпуск, решив провести его с дочками. А если честно, мне просто очень здесь понравилось.

— Ладно, подполковник Давлатов. Дезертиры пойманы, возвращены в казармы, план побега расстроен, моя миссия выполнена, — я протянула руку, и как только наши ладони соприкоснулись, по телу побежало тепло.

И это чувств мне было знакомо. Как тогда, во время пожара. Он прижимал меня к своей груди, смывал с лица сажу, уговаривал дышать, а после отнёс в скорую и не отходил, пока мне не стало лучше.

Я развернулась на каблуках и помчалась к машине, невольно виляя задницей, словно сдавала норму ГТО по женской сексуальности. Да я сама от себя была в шоке...

Я что, заигрывала с этим сапогом в погонах?

Бред...

Села на водительское место, завела двигатель, и вдруг на глаза попало объявление: «Купим маму. Блондинок не предлагать».

Досадно...

Глава 2

— Оставайся! — моя подруга Лена Котёночкина мельтешила по кухне, как ураган, пытаюсь успеть все и сразу. Она то хваталась за салат, то проверяла плов, то полировала хрустальные бокалы. — Ань, дом свободен, мы с Мотькой живём у Дениса.

— Ты посмотри на её счастливую мордашу, — вклинилась наша подруга Ольга Дудина. — Мечтала о том доме? Получила свою мечту! Пусть и не в том исполнении, но боюсь, это погрешность формулировки. Правильно нужно желания загадывать!

— Оль, да все Лена правильно сделала. И дом получила, и мужика шикарного, — расхотелась я, а после присоединились и девчонки.

— Так что, Ань, давай, перевози вещи и обустраивайся в моём доме. Ну сколько ты будешь мотаться от города до нашей деревни? — Лена кивнула в распахнутое окно, где ещё несколько недель назад мы чуть не сгорели заживо, если бы не Ломов, Камалов и Давлатов...

Стоило только произнести его фамилию, пусть и в мыслях, как перед глазами снова представлялся его шикарный торс.

— Кстати, а ты, подруга моя любимая, чего не рассказала, что у него две дочери? — я быстро перехватила Котёночкину, чуть удерживая, чтобы в глаза посмотреть.

— Какие дочери? — ошарашенно прошептала Оля. — У подполковника есть дети? А кольца на пальце нет... Он так нежно сжимал нашу Анюту после пожара, я уже было подумала...

— Дудина, а ты не думай, а то накаркаешь, — рывкнула я и снова повернулась в Лене. — Ну? Чего молчишь?

— Мне Денис мельком обмолвился, — она смущенно начала оправдываться, а потом замерла: — А ты откуда знаешь?

— Познакомилась вчера, — выдохнула и, схватив вазочку с домашним виноградом, взгромоздилась на подоконник.

— Как познакомилась? — хором воскликнули Лена и Оля, что напомнило мне полный синхрон милых близняшек.

— А вот так! Меня вчера губернатор отправил на новое место работы, — со злостью процедила я. — Прихожу вечером в мэрию, открыла двери ключом, занесла вещи в кабинет. А потом слышу детские голоса из приёмной. Девки, я думала, что чокнулась от ярости! Прислушалась — тишина... А потом снова шепот, грохот... Выхожу, а малявки там на бумагах секретаря объявление пишут!

Я достала из кармана джинсов улику, которую почему-то снова взяла с собой.

— Купим маму, блондинок не предлагать...

Девки грохнули от смеха так, что у Дудиной чуть таз с квашеной капустой из рук не выпал, а Котёночкина едва удержала поднос с хрусталём для званого ужина в честь своего назначения.

Лена уже много лет была главной в нашем поселке. Она ловила воришек, держала в страхе всех хулиганов, знала их поименно и всеми силами охраняла покой вверенных ей жителей. Но все эти годы её держали в статусе временно исполняющей, а после громкого уголовного дела Котёночкину наконец-то утвердили. Но мы думаем, что дядьки сверху просто побоялись, что она сбежит или, не дай Боже, перейдёт в прокуратуру, СК или управление. За свои кресла дядьки боялись...

— Боже! Они мне уже нравятся, — не унималась Дудина, снова и снова всматриваясь в нескладный детский почерк. — Сколько им? Ну, учитывая написанное «блАндинок», очевидно, немного.

— Дудина, я детей знаю только благодаря вашим заслугам. Откуда мне знать, сколько им? Лет шесть, наверное. Но такие умные, так складно лепечут, а главное — одна другую дополняет, — я и сама не заметила, как в полном восторге начала описывать наши диалоги, чем явно смущала своих подруг. — Мариша такая бойкая, упрямая, задиристая. А Ариша миленькая, добрая и постоянно улыбается. Носики-пуговицы, волосы в хвостиках, красные комбинезончики, а на ногах разные кеды. Вы представляете?

— Смолова, рожать тебе пора, — подытожила Ольга, но ту же осеклась.

Рожать... Да я бы рада. Но от кого?

Моя жизнь напоминает американские горки. Три свадьбы, три мужа, три развода... Нет, я не выбирала одинаковых. Наоборот! С каждым замужеством я делала работу над ошибками и пыталась сократить вероятность провала. Первым моим супругом был однокурсник Славик, милый добрый мальчик из интеллигентной семьи. Мы держались за ручки, гуляли по парку до заката, он встречал после пар и провожал домой. Его родители приняли меня с распростёртыми объятиями, и я подумала, что вот она – идеальная жизнь молодой выпускницы. Сюрприз меня ждал, когда началась поистине взрослая жизнь.

Оказалось, что Славик не хочет становиться Вячеславом. А если и хочет, то его мама сильно против. Он два года искал работу в то время, пока я крутилась как белка в колесе. Я и работала в редакции, и вела утреннее шоу на радио, а по вечерам занималась английским языком с школьниками. А стоило завести разговор о детях, как Славик тут же звонил маме, и через полчаса мы ехали вслед за скорой помощью... После пятого плохо сыгранного сердечного приступа я собрала вещи Славика и отвезла их к его маме. Зачем разделять неразлучников? Славик так и останется Славиком, как бы я не пыталась это исправить.

Так закончился мой первый брак.

Исходя из полученного опыта, следующей моей попыткой стал Макар... Брутальный и рукастый начальник цеха. Уж за ним-то, я думала, что буду как за каменной стеной. И первый год все так и получилось... Он сделал ремонт, починил моим родителям крышу, отремонтировал старенькую отцовскую «победу», сварил дедуле оградку... Детей он очень хотел, правда, всегда были отговорки типа: не время, вот в следующем году, вот закончим ремонт, вот получу повышение... А потом меня снова ждал сюрприз. Оказалось, что Макар и его «агрегат» живут разные жизни. Пока первый старается для семьи, второй гостит у всех баб города! О том, что мои рога давно пробили потолок, я узнала случайно, когда забежала к своей начальнице, чтобы отдать годовую декларацию для налоговой. И я просто ушла, вычеркнув этого кобеля из своей жизни навсегда.

Холостой период в тот момент сильно затянулся. Я все силы бросила на работу, меня пригласили возглавить проектный отдел в администрации губернатора. И лишь через несколько лет тяжелого труда на моём пути встретился мой третий супруг...

Он был словно с другой планеты... Андрей был частью нашей богемы. Элита! Режиссер, сценарист, звезда театра. Тонкий, чуткий, нежный. С ним я блистала на красных дорожках, пусть и местного разлива, но тем не менее. Наши фото печатались под заголовками о самой красивой паре региона... А потом снова сюрприз... Пил Андрей не как богема, а как запойный сапожник, и в такие моменты он забывал русский язык, переходя на благородный мат и изящный тюремный сленг. Андрей напивался до пороссячьего визга и порой приползал домой на корячках, стирая с лица слюни вместе с грязью.

А сейчас мне почти сорок, и все чаще кажется, что я совершила гигантскую ошибку на пути к своему женскому счастью.

Но этот пробел заполняли сыновья моих подруг. Матвей Котёночкин и рыжая троица Дудиной: Гоша, Паша и Аркаша.

— Земля вызывает Смолову! — Олька, очевидно, устав ждать ответа, защелкала пальцами, вырывая меня из воспоминаний. — Ты чего зависла?

— Мужей вспомнила, — произнесла я и покрылась колючими мурашками.

— Кстати! — вспыхнула Лена и оторвалась от натирания редиски для салата. — Как твоё свидание? Ну тот, сильный и brutальный бизнесмен...

— Боже, бабы, это провал, — простонала я и упёрлась лбом в холодное стекло окна. — Вы знаете, я никогда не бегала за богатыми и успешными, мне главное, чтобы правду говорили. А этот сходу начал соловьем заливаться, рекламируя себя.

— Ань, да мужики никогда не говорят правду, — отмахнулась Ольга, добавляя в булькающий в казане плов две огромные головки чеснока. — Вот представь, что Савик сказал, что он мамочкин сыночек, а Макар признался бы в слабости на передок, ну а про Андрея и вовсе молчу... Что бы ты сделала?

— Не вышла бы за них...

— Это классика жанра. Мы им врем, что не наели задницу, а просто кость широкая, а они врут, что пьют только по праздникам, но с едким отвращением и вообще за семейные ценности, — расхохоталась Лена, хлопая себя по бедрам. — Мы все друг друга обманываем, думая, что только так можно понравиться. Нам вечно кажется, что мы недостаточно хороши для своего потенциального избранника.

— Поэтому ты, Котёночкина, мужа своего первым делом в обезьяннике закрыла? Чтобы сразу поставить все точки над и? — прыснула Ольга.

— Не я, а Булкин. И Ломов совсем другой, — подруга вспыхнула румянцем, как девятиклассница, и опустила глаза, пытаясь спрятаться. Но мы-то видели, что Лена наша влюбилась, как девчонка... — Однако про широкую кость я говорить не стала.

— А зря! — вдруг грохнул знакомый голос, и я обернулась, заметив, что в дверях стоит Давлатов и лениво мотыляет языком зубочистку из одного уголка губ в другой. — О таких вещах нужно говорить сразу.

— А подслушивать девичьи разговоры запрещено!

— Ну а откуда я мог узнать, что широкая кость — байка? — Арсений расхохотался и вошёл в кухню. — Дамы, Ломов отправил меня за шашлыком, мангал готов.

Я украдкой посматривала на Арсения, пытаюсь соотнести новую информацию с реальностью. Он совсем не походил на отца-одиночку... Совсем! Меня буквально душило любопытство, требуя устроить допрос с пристрастием.

Девчонки у него милейшие! До одури похожи на отца, при этом болтливые, общительные и мало походящие на забитых птенчиков, которых воспитывает «сапог в погонах». А то, как он трепетно обнимает своих принцесс, до сих пор не выходит у меня из головы.

— Аня, — за своими мыслями я не заметила, как за моей спиной выросла мощная фигура Давлатова.

Он был такой большой... Несмотря на мощный поток холодного воздуха кондиционера, мне вдруг стало жарко. Я замерла, как мышь-полёвка перед опасностью, не решась даже повернуть голову.

Его грудной, обволакивающий голос вонзился в шею, заставляя вздрогнуть, а потом ласковой поступью зверя двинул вдоль позвоночника, усиливая жар.

— Ещё раз спасибо за моих девчонок, — снова зашептал Арсений, но заметив мою странную реакцию, сделал шаг назад.

— Не за что, товарищ подполковник. Но я бы на вашем месте провела бандиток по деревне, чтобы их хитрые моськи увидело как можно больше народу. Готова поклясться, что в желании найти маму они не остановятся на первой трудности, — я еле ворочала языком, поидиотски пялясь из окна на террасу, где Ломов и Камалов расставляли столы.

— Спасибо за совет...

— Арсений, а где девчонки? — не удержалась Ольга.

— Боюсь, что мои бандитки нашли тех, кто впервые разобьет их детские сердца. Раньше они доставали одного Федьку, даже дрались за то, кто за него выйдет замуж, но теперь появилась вторая кандидатура, — неожиданно Давлатов рассмеялся.

Чёрт побери... Я за все время знакомства никогда не слышала его смеха. И этот звук был поистине великолепен. Такой низкий, полный тихого шороха, он срывался в грозовой рокот и прерывался залиистой трелью соловья.

И я обернулась... Арсений довольно вальяжно припал к стене прямо за моей спиной, смеялся, а сам скользил глазами по моим обнаженным плечам. Кожа не просто вспыхнула, она стала покрываться волдырями ожогов, и я сдалась... Спрыгнула с подоконника и отправилась на улицу.

— Ну покатайте ещё! — требовательно верещали Ариша и Мариша, дергая за штаны Фёдора и Матвея.

Парни тяжело дышали, лица красные, волосы мокрые, футболки прилипли к спинам. Они обменялись жалостливыми взглядами, но после все равно взгромодили малявок себе на плечи и поскакали в сторону персиковой рощи, но скакать им пришлось недолго!

— Тётя Аня!!! — вдруг заверещала Арина и отпустила шею Фёдора, решив помахать мне обеими руками.

И мир замер... Я словно в замедленной съемке увидела, как опасно накренился её корпус, как Федька сильнее сжал худенькие ножки, пытаюсь удержать егозу на своих плечах, и как стремительно исказилось страхом лицо Ариши...

— Арина! — я бросилась с крыльца, забыв надеть обувь.

Как кошка рванула вперед, вытягивая руки, чтобы подхватить падающую девчонку. И лишь когда ладони коснулись мягкого плюшевого комбинезончика, я вновь смогла дышать. Глотнула воздух, что бетонной плитой упал в легкие.

Арина вдруг захныкала, задержала ногами, требуя, чтобы Федя отпустил её, а после она ужимком перебралась мне на руки, обвила ногами корпус, сжала руками шею и прижалась перепуганным зайчишкой. Я грудью ощущала, как неистово бьётся маленькое детское сердечко, слышала её тихий плач и ощущала водопад горячих слёз на своей коже.

— Арина, так делать нельзя, — зашептала я, поглаживая её по спине. — Нельзя отпускать руки, даже если очень хочется с кем-то поздороваться. Ты посмотри на Федю!

Я крутанулась, подставляя Арину лицом к лицу к побледневшему от ужаса Федьке. Тот мешком рухнул на землю, прижимая ладони к груди, будто удерживал рвущееся сердце.

— Он же высокий детина, скоро отца перерастет. А падать с такой высоты ой как больно. Думаешь, Федя тебя теперь будет катать? — я говорила мягко, тихо, чтобы не напугать малышку. Снова и снова гладила, все выше и выше подбираясь к голове, пока пальцы не утонули в шелковых детских волосиках. — Ты нас очень напугала.

— И ничего блондинки не тупоголовые! — вдруг выкрикнула Марина и безошибочно обернулась к застывшему на крыльце отцу.

— А ещё она очень красивая! — не удержалась и Арина, запуская влажные ладошки в мои волосы. — Как принцесса! Пап, а давай её купим?

— Точно! — Марина тоже задргала ногами, но Мотя среагировал мгновенно, дабы не повторять ошибок друга.

На улицу вывалили все... Котёночкина на весу резала помидоры, Оля растягивала тесто для пиццы, Ломов и Камалов перегнулись через ограждение террасы, даже мальчишки с любопытством следили за происходящим, и только Ариша хитро хихикала, прекрасно понимая, что задумала сестра-близнец.

Мариша стартанула к машине отца, в прыжке дотянулась до ручки двери, распахнула её... И уже через мгновение толпа загудела протяжным стоном умиления. Марина тащила

огромную керамическую свинью. Ей было тяжело, но малышка старалась, пока не поставила тяжелую копилку на ступеньках перед отцом.

Она потрепала растерянного Давлатова за палец и сделала шаг назад.

— Это все, что нам дарили. Там все-все денежки, папуль, мы себе ничего не оставили, честное слово. Мы всё решили, — Маришка обернулась ко мне, сверкнув перед вынесением вердикта оценивающим взглядом. — Мы покупаем её!

— Уррряяя!!! — завопила Ариша мне прямо в ухо и крепко обняла, лишая возможности дышать, думать, слышать и ощущать под ногами землю...

Глава 3

— Меня купили... Меня купили!!! — снова и снова повторяла я, расхаживая вокруг своей машины кругами.

Прошло уже два дня, а та сцена в саду все никак не шла у меня из головы. Она вспыхивала, как приступ эпилепсии, и поглощала меня полностью. Да и вообще, эти смысленные малышки, решившие самостоятельно взять судьбу за хвост, как-то слишком глубоко запали в моё сердечко.

Весь вечер мы всей компанией уговаривали девчонок повременить со сделкой по купле новой мамы. Давлатов и вовсе начал заикаться, сгорая от неловкости. Зато Камалов раздухарился, подстегивая малышей... Они и за столом, и после ужина обсуждали мою внешность, задавали каверзные вопросы и даже погоняли по таблице умножения!

Все друзья веселились, и только мы с Арсением испытывали лютую неловкость. Он от стыда, а я отчаянно пыталась не ударить лицом в грязь, не сдав программу первого класса, а близняшки упорно наступали мне на пятки.

И я снова выпала в осадок... Я в пять лет каталась на велике с пацанами, мы пускали «лягушек» на озере, строили шалаши, а когда мама сажала за прописи, я рыдала, как ненормальная, потому что пацаны гуляют, а я должна учить уроки!

А эти малышки знали таблицу умножения до пяти, их талант к письму я оценила ещё в первый день знакомства, а скорость чтения восхитила даже Мотьку.

Девочки не просто маму покупали, они с помощью Ломова и Камалова показывали все, что умеют! И акробатическое колесо, и прыгали на скакалках, и пели, и стихи рассказывали. Им было весело... А мы с Арсением чудом лавировали в миллиметре от сердечного приступа, особенно когда пришло время расставаться. Арина и Марина поняли, что купленная мама не спешит переезжать к ним в дом, и разразились оглушающим плачем...

Я два дня ходила как пришибленная. Судорожно принимала дела города, знакомилась с начальниками ведомств, осваивала кабинет и вот только сегодня вырвалась в город, чтобы собрать вещи и встретиться с друзьями.

Но... Моя машинка звонко чихнула посреди пустой трассы и заглохла, не докатившись до обочины.

— Дамочка, отгоните машину, — внезапно раздалось над ухом.

Я была и так злая! А смех в голосе незнакомца лишь усугубил ситуацию.

— Кыш-кыш-кыш! — затащила я, размахивая руками на свою машину, из-под капота которой вдруг заструился белый плотный пар. — Не уходит, видите? Не слушается! Прошу прощения...

Я развернулась и шелкнула челюстями, ведь передо мной стоял красный от сдерживаемого хохота Давлатов.

— Смешно, Аннушка, смешно, — протянул он и по-хозяйски распахнул водительскую дверь, дернул рычаг, и послышался щелчок капота.

— Прости, Арсений, — я снова залилась краской, осознавая, что вечно предстаю перед ним в странных ситуациях.

— Бывает. Ну? Что случилось?

— Что-то хлопнуло, педали провалились, а машина встала колом посреди дороги! — я забегала вокруг Давлатова, надеясь, что он сейчас все исправит.

— Нет, — вдруг выдал он и резко обернулся ко мне.

— Что нет?

— Не починю... Ты же об этом подумала?

— Вы еще и медиум? Вас в ОБЭПе этим уловкам учат? — я улыбнулась и присела на ограждение дороги, мысленно прощаясь с планами на единственный выходной.

— А ты, Смолова, уника. Я вот женщин совсем не понимаю, а ты как открытая книга: все на лице написано, — он с умным видом начал дергать провода, и внезапно моя ласточка выплонула новое облако пара. — Тянуть её долго, надо вызывать эвакуатор.

— Чёрт, как не вовремя! У меня только один день, чтобы перевезти вещи. Я и так второй день в Ленкиных костюмах хожу. А у неё их только два! Завтра придётся полицейский китель надевать, — неожиданно для самой себя и рассмеялась. — И кирзачи...

— Мне тоже в город, — Сеня захлопнул капот, забрал из моих рук ключи, а после с легкостью столкнул мою ласточку к обочине и начал осматриваться. — Забирай из машины все ценное, переноси ко мне. И ещё... Хватит выкать, Аннушка.

Я коротко кивнула и, с ужасом понимая, что получила свой первый в жизни приказ, двинулась его выполнять, украдкой посматривая за Давлатовым.

Он спрятал ключи за камнем у столбика со знаком, затем запер все двери, сделал пару снимков, а после кому-то позвонил.

— Погнали, у меня тоже времени мало. Ольга только думает, что мои девчонки – принцессы ванильные, но скоро они превратятся в дьяволят...

Я уселась на переднее сиденье, пристегнулась, сложив руки на коленях, как прилежная ученица, и мы покатили в сторону города.

— Тебе куда?

Я назвала адрес своей квартиры, поставив мысленную галочку, что и со вторым приказом весьма успешно справилась.

— Ань, я что, такой страшный? — Давлатов, очевидно, устал от молчания, поэтому нагнулся, попадая в радиус моего зрения. — Ты вообще дышишь?

— Да...

— Тогда что случилось? В глаза не смотришь, сидишь, словно у тебя под пиджаком стальной прут.

— Я... Я... Я не знаю, — призналась я, и вдруг скованность рассыпалась, а я упала спиной на спинку кресла, реально осознав, что все это время сидела, как идиотка. — Ты вечно разговариваешь приказами? Это что, профдеформация?

— Хм... Не замечал, — он дернул плечами и улыбнулся. — Тебя напугали мои девчонки? Не переживай, мы с Ольгой уговорили их повременить с покупкой. Ипотечная ставка нынче слишком высокая, и не время для приобретения мам...

— Вот тебе смешно? А ты видел их глаза? Они же весь вечер на меня смотрели, как на предательницу!

— Тогда соглашайся, — вдруг голос Давлатова снова приобрел стальной звон, и я замерла.

— Это не смешно...

— Знаю, — он и правда не смеялся, очевидно, не одну меня вся эта ситуация застигла врасплох. — Не понимаю, какая муха их укусила. Как вернулись от бабушки, так этот бред с языков не сходит. Они весь альбом заклеили фотографиями актрис и моделей. Кто их надоумил? Ума не приложу... Но ты не переживай, они у меня отходчивые. Сначала у нас были бальные танцы, потом карате, потом они решили учить китайский язык. И ведь это только за первые пять лет жизни! Мне страшно представить, что будет дальше.

Я не выдержала и засмеялась, понимая, как же трудно приходится Давлатову.

— Я до одиннадцати лет мяч гонял, не открывая учебников. Читал через палку, а домашку списывал, — признался Арсений, так мягко улыбнувшись. — А эти стрекозы стихи в два года рассказывали, вызывая всеобщий восторг и трепет.

— Они такие сообразительные... Хорошие девчонки.

— Это да, — он закивал и отвернулся, почувствовав, что дальнейший разговор будет менее приятным.

— А что с их мамой?

Давлатов обернулся, но лишь на мгновение. Он словно оценил ситуацию, принимая решение, впускать ли меня так глубоко под свою броню или нет.

Мгновение тишины было бесконечным, но в итоге он тяжело вздохнул и начал говорить:

— Она жива, здорова и занимается своей жизнью. Ты не думай, я детей не крал, у нас всё официально. Оказалось, что незапланированная беременность не входит в её планы, — каждое слово давалось ему с такой болью, что это ощущение передалось и мне. — Мы встречались всего пару месяцев, когда Таня радостно сообщила, что беременна. Но после первого УЗИ её запал стал затухать, ведь одно дело быть молодой мамой одного ангелочка, а совсем другое, когда у тебя на руках близнецы. И мы тогда договорились, что Татьяна рождает, а после может жить свою лучшую жизнь...

Я распахнула от удивления рот, просто не в силах поверить, что все, что он говорит — правда.

Это даже хуже, чем белобрысая Зойка. Она хоть немного, но побыла матерью. Постирала пеленки, подежурила бессонными ночами, проводила сына в первый класс и лишь тогда сбежала с психологом.

А Татьяна...

По коже побежали мурашки, я с ужасом слушала откровения Давлатова, на миг пожалев, что задала этот вопрос. Зачем мне знать, что одним Бог не дает детей, заставляет пройти через выкидыши и протоколы ЭКО, а другие спокойно отворачиваются от своего счастья?

— Нет, они видятся, — он, видимо, понял, что переборщил с правдой-маткой, и попытался смягчить удар. — Опека у меня единоличная, а с Татьяной у нас соглашение на несколько часов в месяц в моем присутствии. Правда, их они проводят по видеозвонкам. А мне так даже проще.

— И что? Как девочки?

— Они слишком умненькие, чтобы ждать её визитов, — процедил Сеня и свернул с трассы в сторону города. — Всем хорошо. Девочки со мной, лето проводят на море у бабушки и дедушки, туда же обычно вырывался и я. Но в этом году не получилось, поэтому я решил отдохнуть с ними здесь. Заодно и пару дел завершу.

Я знала, о каких делах он говорит... Ведь именно благодаря Давлатову была накрыта преступная связь между начальником местного МВД и мэрией нашего города. По сути, его стараниями я оказалась сослана в деревню...

— Значит, сейчас ты исполняешь обязанности мэра?

— Временно. Надеюсь, что моя ссылка не продлится долго.

— А я вот наоборот, — вдруг выдал Арсений. — Только здесь я понял, что время может бежать иначе. В Москве, проснувшись утром, я уже ощущал себя уставшим. Все бегут, мчат, потом эти часовые пробки, вечная толкучка... К вечеру возвращаешься, а дети спят, и с ужасом понимаешь, что день прошел, а ты толком ничего не сделал. Но самое страшное — завтрашний день будет таким же, как предыдущий.

— Ты серьезно?

— Вполне, — закивал Давлатов, и его губы растянулись в улыбке. — Ты посмотри, какое солнце, нет этих душных высоток, нет суеты и ощущения, что ты уже заочно везде опоздал.

— Давлатов, ты меня пугаешь. У нас каждый второй грезит желанием вырваться отсюда, а ты наоборот? Это что, старость?

— Возможно...

— Это всё шутки, но если честно, то я в натуральном шоке. Все отцы, которых я видела — это охранник выходного дня. Забрал, на качелях покатал, мороженое купил и отдал матери

со спокойной душой и чувством выполненного долга. А ты прям... Давлатов! — осенило меня. — Да ты папуля!

— А ты? — Арсений прищурился и чуть повернул голову, смерив меня внимательным взглядом.

— Боже, Арсений Андреевич, это попытка выяснить моё семейное положение?

— Обижаешь, Смолова Анна Витальевна, — вдруг снова прорезался сухой голос подполковника. — Это я узнал уже давно. Ваша Ольга совершенно не умеет держать язык за зубами, мне даже напрягаться не пришлось, чтобы разболтать шпиона.

И вот это откровение наконец-то затмило видение о девчонках, брякающих своей копилкой. Я уставилась на Арсения, впервые ощутив чистый интерес.

Он был прямой, как столб ЛЭП. Что думал, то и говорил, словно не было у него времени плести кружева обольщения. Его интерес граничил с явкой с повинной...

Мне стало так неловко. Давненько я не оказывалась под прожектором такого напора. Мне стало жарко, я машинально потянулась к рычагу климат-контроля, но из воздуховода и так шпарил ледяной воздух, однако легче не становилось.

Рядом с Давлатовым я себе казалась девчонкой. Просто физически ощущала его подавляющую силу, и проявлялась она в его расслабленности, честности ответов, прямооте... Я смущалась, отводила глаза, хотя это совершенно претит моей природе.

Нет, не то чтобы я родилась хабалкой. Но после второго развода общение с мужчинами потеряло флёр таинственности. Меня не цепляли их лживые комплименты, неприкрытая лесть, порыв обольстить для того, чтобы опередить другого самца. Я этого наелась по самое горло...

Но что изменилось сейчас?

Почему слова, сказанные маленькими девочками, попали в самое сердце, и не отпускают?

Быть может, и Давлатов попал под это влияние и убедил себя в симпатии к выбранной дочерями маме? Наше первое знакомство не задалось, а уже при второй встрече я оказалась прижатой к его груди с желанием выбраться из пожара. Это же нелепость какая-то!

— Дудина — находка для шпиона, — я поняла, что Арсений слишком долго ждет моего ответа, но и выдавать правду не спешила. Пусть помучается. — Она выдаст и гостайну, и код от своего сейфа, где заначка лежит, и то, что я обожаю сало с чесноком.

И тут я прикусила язык, растеряннo обернувшись на Арсения, а он расхохотался.

— Чёрт...

— Ну, с выбалтыванием секретов ты и сама неплохо справляешься. Прошу прощения, — Арсений отвлёкся на зазвонивший телефон, но отвечать не стал. Я было решила, что мне просто не полагается слушать его переговоры, но вместо этого Давлатов резко повернул во двор, и я растерялась, ведь мы остановились у моего дома. И только заглушив двигатель, Арсений ответил на звонок. — Да, Семён Аркадьевич... Нет, ещё не решил. Спасибо... Я подумаю.

Мне было неловко, я не понимала, что мне нужно сделать. Уходить и не задерживать? Или дожидаться и поблагодарить?

Было видно, что телефонный разговор не приносит Арсению удовольствия. Он тяжело вздыхал, растирал кулаком лоб, хмурил брови. А когда я все же потянулась к ручке двери, Давлатов рванул вперед и перехватил мою ладонь, удерживая на месте. И я вновь подчинилась...

— Я обязательно позвоню, — коротко бросил в трубку Сеня и обернулся ко мне. — Итак? Хотела эвакуироваться, забыв поблагодарить за спасение?

— Я должна была сказать какое-то кодовое слово? Или шевелиться можно после команды: «Вольно»?

— Ну, как вижу, этот метод работает, — Арсений улыбнулся, но как-то странно... Он вдруг прищурился и начал осматривать меня, пока его взгляд не запнулся о довольно откровенное декольте моей майки. — Аннушка, а ты танцевать умеешь?

— Это приказ? — снова уколола я его. — Сейчас продемонстрировать свой талант?

— Ух, какая колючая, — Давлатов вдруг качнулся, нарушая зону моего комфорта. Этот хитрец словно только и ждал удобного случая. Я замерла, не дышала, когда наши носы столкнулись. Я утонула в его серых глазах. Мелкая россыпь морщинок, соблазнительный прищур, он будто гипнотизировал меня. — Меня пригласили на благотворительный вечер... Но если я явлюсь один, то через полчаса меня начнут сватать.

— То есть ты предлагаешь сыграть твою пессию? — шепнула, почти не шевеля губами, чтобы ненароком не коснуться его. — Поцелуй, танцы и пошлые шуточки под бокал холодного игристого? Будешь лапать меня, Давлатов?

— Ну, как договоримся...

— Тогда идёт! — я почти не думала, просто согласилась, и всё же нащупала ручку двери и выскочила из машины. — Подполковник Давлатов, ты обратился по нужному адресу...

— Не сомневаюсь, — донеслось до меня в открытое окно, но я не обернулась.

Вбежала в свой подъезд, стора от стыда, как девчонка...

Боже, что я натворила? В какую игру ввязалась?

Глава 4

— Спасибо, пап!

Я не села, я буквально рухнула в машину отца. Казалось, если сейчас пошевелюсь, то моя поясница треснет от пульсирующей боли. Сборы вещей заняли куда больше времени, чем я рассчитывала. Пришлось отменить встречу с друзьями и вызвать на помощь папу, чтобы увезти весь собранный гардероб.

— Ань, ты что, весь дом решила вывезти? — присвистнул отец, заталкивая последнюю сумку в багажник. — И вообще, какого черта твой многоуважаемый Пасечный сослал тебя в глушь? Дочь... Ты разве для этого горбатилась на него столько лет? Что он за свинья неблагодарная?

Невольно отец ткнул в самое больное место, что зудело где-то в груди. О неблагодарности губернатора я уже даже думать устала. Но его довольное лицо, когда мне сунули приказ о временном назначении, до сих пор стоит у меня перед глазами.

Это решение разделило офис пополам. Часть ликовала, ведь закончилась эпоха страха перед Смоловой, теперь можно снова не работать, кормить руководителя наспех состряпанными отчетами и занимать время на заседаниях выдвижением завиральных идей. А вторая часть пребывала в полном шоке, потому что все прекрасно понимали, на ком держится работа...

Алексей Кириллов, провожая меня до машины, шепнул, что губернатору давно стучат на меня. Не нравится Пасечному, что моя власть и авторитет местами стали перекрывать нашего солнцеликого губернатора.

А значит... Значит, что даже если завтра найдут мэра, то вернувшись в офис губернатора, я столкнусь с большими проблемами. Если Пасечный увидел во мне конкурента, то работать спокойно там я уже точно не смогу.

— Свинья и свинья. Давай не будем говорить о нем? — я уцепилась за руку, чтобы остановить накатывающие слёзы. Не хватало ещё рыдать из-за этого придурка! Он ещё не знает, что выстрелил себе в ногу, когда сослал меня.

Я же для Пасечного была опорой! Не было работы, за которую бы я не бралась. Меня знали и в соседних регионах, и Москва звонила напрямую, избегая бюрократической цепочки переадресаций. Я была связующим звеном Пасечного, отсекающим мелкие проблемы и идиотов, чтобы не тревожить губернатора по пустякам.

Вот пусть теперь попляшет без Смоловой... А я посмотрю.

— У тебя три языка, два высших образования! — не унимался отец, влезая на водительское сиденье. — Умница, красавица, ответственная... Все в городе знают Анну Смолову! Все!

— Пап, сейчас ты не помогаешь, честное слово. Ну, сослали меня, и что дальше? Не знают они Смолову, — прошипела я, со злостью натягивая ремень безопасности. — Я буду не я, если с этим не справлюсь. Ещё как справлюсь, пап! Пасечный локти будет кусать!

— Вот это моя девочка, — отец наклонился, сгреб меня в охапку и прижал крепко-крепко. — Ань, ты им не давай себя в обиду. Разрешишь один раз, потом будут вытирать об тебя ноги регулярно.

— Знаю, папуль. Спасибо, — я поцеловала отца в щеку, покрытую серебристой щетиной.

Нет, никто девочке не заменит отца. Никто... Сказок про принцев может быть миллион. Они могут быть рыцарями, Робин Гудами, охотниками или избалованными красавчиками... Но никто не заменит твердую опору отцовской любви.

А я больше не верю в сказки. Три брака за спиной заставили меня сделать правильные выводы и выучить простую истину: муж приходит и уходит, а с проблемами придется разбираться самой. Вот она истина! А ещё каждый раз со мной был отец.

Да, я папкина дочь с макушки до пяток. Именно ему я могу рассказать все, что угодно, прекрасно зная, что он поддержит и поможет, даже если я буду сильно неправа.

— Так, мать ждёт, — папа тихо рассмеялся, пробежался шершавой ладонью по моей руке и легонько ущипнул. — Заехать надо, иначе обидится.

— Ну, надо, значит, надо...

Родилась я не в городе, нет. Мы выросли на деревенских улицах «Солнечного», летом зарабатывали на покосе, доили коров, собирали грибы и ягоды, а после продавали их на трассе. Мы с Леной и Ольгой прошли всё: от голода до развода...

А возможность вырваться в город после поступления в университет означала для меня не свободу и вседозволенность, как думала мама, а ответственность и возможность испытать свои силы.

Мне не было страшно. Я сходу устроилась на работу, получила комнату в общежитии и начала долгий путь к поставленным перед собой целям.

Но в семье я была не одна... И вот к моменту краха моего первого брака моя младшая сестра уже оканчивала школу, и мама приняла решение покинуть деревню ради будущего младшей дочери. Родители продали наш дом, купили небольшую двушку на окраине и стали привыкать к новой городской жизни.

Сказать, что в нашей семье идиллия — сильно соврать. Если тишь да понимание и существуют, то исключительно с отцом. Папа говорит, что все женщины его семьи слишком характерные, чтобы признавать авторитет друг друга. И в чем-то я с ним была даже согласна.

— Аня! — всплеснула руками мама, как только я открыла дверь квартиры. — Ну, слава богу... Что, отец силой привёз?

— Да нет, что ты, — я улыбнулась и поцеловала маму, после протянула пакет с традиционными деликатесами, которые она очень любила. — Держи, мамуль. На стол не накрывай, я ненадолго.

— А ты всегда ненадолго, — вдруг раздался голос моей младшей сестры.

Дарина вышла из спальни, прижимая к груди своего самого младшего из детей. Когда модельная карьера не взлетела, Дарина быстро сориентировалась и удачно выскочила замуж за владельца рекламного агентства, правда, на тот момент он был глубоко женат и уже имел троих детей, но мою сестру это никак не остановило.

Когда сестра объявила о своей беременности от женатого мужчины, отец угодил с сердечным приступом в больницу, мама неделю питалась коктейлем из пустырника и валерианы. И лишь Дарина была счастлива, ведь ей удалось схватить судьбу за хвост и утереть нос своим бывшим одноклассникам. Пока одни мечтали о городе и богатом муже, Дарина его получила.

Сестра знала, чего хочет, и пёрла к своей цели, не видя преград. В этом мы, конечно, с ней были похожи. Разница лишь в том, что с женатиками я не то что дружбы никогда не заводила, я их за километр стороной обходила, зная, что в жизни существует БУМЕРАНГ.

И вот в прошлом месяце это и случилось с Дариной. Нет, это безусловная беда, когда ты вынужденно покидаешь шикарную квартиру в центре, когда остаешься без образования и работы с тремя детьми на руках, а муж сует тебе под нос мирное соглашение, в котором прописана лишь минимальная выплата на каждого ребенка, и всё... Но предавший один раз, предаст и второй, потому что за плечами уже имеется опыт. Это правда жизни, и от нее никуда не деться.

— Дарька, привет, — улыбнулась, приобняла сестру и заглянула под уголок одеяла, где спал мой младший племянник.

— Ты почему трубку не берешь? — сходу набросилась на меня сестра. — Я тебе неделю звонила! Тоже мне сестра...

— Дарь, ты знаешь, что я ненавижу истерики, — я закатила глаза и отправилась в ванную мыть руки, но сестра отправилась следом.

— Да ты никого не любишь! Всех ненавидишь! И семья тебе не семья, и наши проблемы тебе вовсе не проблемы. Живёшь в своей квартире и радуешься жизни, пока мы тут вшестером ютимся на пятидесяти квадратах, — Дарина даже не думала фильтровать яд обиды, очевидно, увидев во мне мишень.

— Мам, тебе помочь? — я вошла в кухню, вытерла руки о полотенце и перехватила нож, принявшись крошить варёные яйца для салата. — Как дела? Ты сходила к кардиологу, к которому я тебя записала?

— К кардиологу? — снова вмешалась Дарина. — Нет, мама не ходила к врачу, потому что сидела с внуками, пока ты игнорировала проблемы семьи!

Гнев внутри уже начал закручиваться в воронки смерчей, поднимался пульс, позвоночник сковывало холодом, мышцы превращались в камень. Я приехала не для того, чтобы ругаться... Мне не нужно воспитывать сестру, это не моя проблема, не моя обязанность. У меня и своего дерьма в жизни предостаточно.

Но то, что я не могла заглушить – это едкую обиду дочери. Я год обрывала телефон главного кардиохирурга, чтобы записать на приём маму. А она... Она просто не пошла?

— Мам, ты что, пропустила приём?

— Анечка, я не смогла. Понимаешь... — мама начала заикаться, пытаясь оправдаться, но нужных слов было невозможно найти.

— Да некогда матери, — грохнул голос отца, он внес в кухню пакеты с продуктами и поставил к холодильнику. — Дарина с подругами по клубам ползает, а мать с внуками сидит. Когда ей о себе подумать...

— Пап, что ты говоришь? — обиженно вздохнула Дарина. — Мне просто нужно время прийти в себя! Ты думаешь, что все так просто? Меня муж бросил! Хорошо тебе, ушёл на свою работу, и сутками там пропадаешь, пока мы с мамой в четырёх стенах с детьми сидим!

Дарина искренне верила, что её неминуемый разрыв с бывшим мужем — трагедия семейного масштаба. Она всерьёз считала, что все должны мобилизоваться и начать решать эти трудности, чтобы выслужиться перед разбалованной девчонкой, что рожать научилась, а кормить, работать и уважать родителей – НЕТ!

— Я, между прочим, на своей работе деньги зарабатываю, — прохрипел отец и развернулся, удаляясь из кухни. — И вместо твоего мужа кормлю внуков! Ты же от алиментов отказалась? И квартиру он тебе предлагал, ты тоже отказалась...

— Па! Ты ничего не понимаешь! — навзрыд прогорланила Дарина. — Он мне предложил однушку! Да и разве это алименты в пятнадцать тысяч на ребёнка?

Я как могла не обращала внимания на эту истерику. Ведь знала, что так и будет... Лучше бы сразу попросила отца отвезти меня в деревню. Смотрела в красные глаза мамы и пыталась понять, почему она вечно выбирает не меня?

— А ты чего молчишь? — Дарина вдруг ткнула меня в спину, явно устав от того, что я отмалчиваюсь.

— Отстань от сестры! — прикрикнул отец, на этот раз втаскивая в кухню мешок картошки.

— Да разве это сестра? Сидит в своей шикарной квартирке, на работку в центральный офис ездит, машинку новую купила...

Я даже не думала, что моя младшая сестра способна на такую концентрацию злости. Её аж трясло от гнева. Заметила это и мама... Но вместо того, чтобы осадить любимицу, мама забрала у Дарины ребёнка и просто вышла из кухни.

Боже, какая прелесть... Вот так решается проблема?

— Ты переходи к делу, а то вступление затянулось, — я забросила в рот ломтик яблока и развернулась к сестре. — Дарь, я тебя с детства знаю. Шум и слезы – начало ультиматума. Давай, жги!

Мне хватило одного взгляда, чтобы всё понять...

— Тебя сослали в деревню, — процедила Дарина, мало того что радуясь моему временному провалу, так ещё и испытывая ко мне ярость, словно это именно я увела у неё мужа, выгнала из дома. — А твоя квартира простаивает.

— И что? — я вытерла влажные руки и помогла отцу проползти через узкую дверь балкона, куда он затаскивал купленные на рынке овощи.

— Мы с мамой решили, что...

— Что вы сделали? — я не выдержала и расхохоталась, потому что более идиотского подката к моей собственности я ещё не слышала.

— Мы с мамой решили, что я временно поживу в твоей квартире! — Дарина выпалила и даже румянцем не покрылась. Да я бы со стыда сгорела, если бы заставила себя произнести хоть часть этой пурги.

— Нет, Дарина, — я собралась с силами и ответила максимально спокойно, лишь намекнула папе, что аудиенция подошла к концу, и совместного чаепития не выйдет. — Это моя квартира, и вы с мамой не можете принимать решения. Прости, конечно, сестренка, мне правда жаль, что ты разводишься, но ничего не получится.

— Аня! Что значит твоя квартира? — завопила Дарька и рванула за мной следом. — Тебе на первоначальный взнос давали родители!

— Да, но ипотеку плачу я сама. Ну и давай уж честно? Мама с папой продали старую бабушкину дачу и разделили деньги пополам между мной и тобой. Я добавила к тем деньгами часть своих сбережений и отнесла их в банк в качестве первоначального взноса, а ты эти деньги отнесла к пластическому хирургу, чтобы вставить силиконовые сиськи, — я натянула туфли и развернулась к сестре. — И что? Теперь я могу их у тебя забрать, ведь они сделаны на деньги родителей? Я всё правильно поняла? Дарь, дай титьки поносить, тебе же они сейчас не нужны?

Наверное, я зря раздувала скандал, но и терпеть этот идиотизм уже больше сил не было. Учитывая, что в обсуждении того, кому жить в моей квартире, участие принимала моя мама...

Я смотрела в лицо своей сестры и понимала, что на этом спор не закончится. Дарина покрывалась красными пятнами, губы посинели, сжимаясь в тонкую линию, а её зеленые глаза утопали в яростной пульсации зрачков.

— А тебе они зачем? Ты разведенка и сухарь! Правильно тебя из администрации убрали, старые любовницы никому не нужны!

Я машинально вскинула руку и залепила пощечину своей младшей сестре.

На её визг вылетела из комнаты мама, она сходу бросилась рыдать, причитать и хвататься за сердце. И лишь отец не стал вмешиваться, понимая, что младшая дочь перешла все грани.

— Ты хочешь, чтобы весь мир решал твои проблемы? То есть, когда ты как сыр в масле каталась, тебе не нужны были ни сестра, ни родители. Ты валялась на песчаном берегу, ездила рожать то в Штаты, то в Аргентину, как по графику, с тобой были нянечки, гувернантки, переводчики и охрана... — я споткнулась, понимая, что если скажу ещё хоть слово, то расплачусь. Прикусила щеку и улыбнулась, переводя взгляд на маму. — Ты хоть раз помогла устроить маму с папой в больницу? Может, ты купила им новую машину? Или свозила на море? Нет, Дарь, ты жила свою лучшую жизнь, забыв о семье. А теперь ты заявляешься и говоришь, что все должны решать твои проблемы?

— Аня... — зашептала мама, пытаюсь меня остановить.

— А в чем твоя проблема, Дарь? Отсутствие жилья? Так твой муж предложил тебе квартиру. Дети? Так это и твои дети тоже...

Я всё же остановилась, решив поставить точку, и когда повернула ручку входной двери, получила удар в спину:

— Правильно тебя Бог наказал! — цедила Дарина. — Три выкидыша? Столько душ спасено от такой чёрствой и бессердечной суки... Не быть тебе матерью, Аня! Не быть!

Когда бьют чужие, то ты рано или поздно привыкаешь. Обрастаешь броней и думаешь, что твоя жизнь никого из них не касается. Мне часто напоминают про часики, про то, что я и так упустила свой поезд под названием «семья». Но так больно, как сестра, никто и никогда не делал... Потому что никто не знал о трёх трагедиях, которые я проживала, умирая тихо и наедине с самой собой.

Я в последний раз обернулась к маме, ведь только она могла рассказать это Дарине. Мама заревела и было бросилась отцу на грудь, но тот отвел её руки и, впрыгнув в кроссовки, вышел следом за мной...

Глава 5

Мой телефон надрывался звонками от мамы третий день подряд. Но я категорически не хотела отвечать, а занести её в черный список не хватало наглости.

Я любила маму... Очень! Возможно, больше, чем стоило. Но ощущение, что меня предали, что моя боль стала позорным поводом сделать больно ещё раз, не позволяло мне наступить на горло своей гордости. Я никогда не рыдала на коленях матери, я не привыкла играть роль жертвы. Всё, что случилось, я переживала либо наедине, либо с подругами, что оказались куда ближе, чем моя родная семья.

Телефон обрывала и Дарина, правда, её я почти сразу заблокировала, так она начала атаковать меня с разных номеров, пытаясь не извиниться, а уговорить отдать ключи от моей квартиры. Но это уже было делом принципа.

Или она думает, что Бог наказывает только меня, когда лишает возможности прижать ребенка к груди? Нет... Нам всем воздается по заслугам и возможностям. И Дарина не исключение.

Очередной залп настырных звонков застал меня на стремянке. Я держала швабру, обмотанную старым тюлем, собирала пыль с ещё советской люстры в центре моего кабинета.

Обустройством пространства мне удавалось заниматься лишь по вечерам, потому что с самого утра я пахла, как ненормальная. Оказалось, что Богданов не просто не занимался городом, он только писал отчеты в область, где нагло врал о проделанной работе. И весь этот бардак и полный хаос в бюджете достался мне...

— Чёрт! — я в сотый раз чихнула, когда в нос попало очередное облачко пыли.

Богданов, чуя крах своей короткой политической карьеры, перестал платить зарплаты ещё в том месяце, поэтому мэрия меня встретила полной пустотой. И лишь незаменимая Лизавета Никифоровна, проработавшая секретарём здесь всю свою жизнь, приходила на работу на автомате.

С зарплатами я разобралась, долги закрыла, даже уборщицы выйти должны с понедельника. Пока я и сама могу помочь себе не сдохнуть от аллергии.

Телефон вопил снова и снова, а я продолжала держать равновесие, стоя на последней ступеньке. Я чертыхалась, чихала, но не останавливалась, сметая слой за слоем, пока хлопья не полетели мне на голову. Предлагала Котёночкина помощь, но я категорически была против. Не хватало, чтобы моя беременная подруга дышала этой дрянью!

Телефон было снова крикнул, а следом раздался грохот... Я обернулась всего на мгновение, увидела, как гаджет падает с края стола, а после... После всё поплыло.

Я стремительно теряла равновесие, пыталась схватиться за перекладину, но швабра внезапно зацепилась за карниз и отлетела к окну, оставляя меня без единой надежды на благоприятный исход...

Я уже летела назад, наблюдая, как меня догоняет и тяжелая стремянка. И в этот момент мысли такие идиотские в голову лезли...

Почему Давлатов так и не позвонил? Чёрт... А ведь я не дала ему свой номер телефона! И кого теперь будут покупать его милые девчушки в разных кедах? Придут ли они писать новое объявление? И хватит ли им денег, чтобы приобрести более удачную кандидатуру на роль их мамы?

Но вдруг падение замедлилось... Яркий свет люстры приглушился, а перед глазами возникло лицо Давлатова.

Красивый мужик... Всё, как я люблю. Широкая челюсть, чуть угловатая, с выпирающими желваками, что в случае тревоги заводили бешеную румбу. Мощный подбородок, густая щетина, с небольшой горбинкой нос и такие чувственные губы...

Я так тщательно всматривалась в этот образ, что не сразу ощутила и чужие ладони на своем теле, не услышала грохот рухнувшей в другом конце кабинета стремянки, не заметила, что моё падение остановлено.

— Аннушка-а-а-а...

Боже, а голос какой? Густой, объёмный, он обволакивает, проникая в каждую трещинку встревоженной души. Ласково вибрирует на перепонках, резонирует с биением моего сердца... Мягко, но безапелляционно приказывает, вот только от таких приказов тепло на душе и спокойно.

— Аннушка-а-а-а-а-а-а...

Снова зазвенело в ушах, и всё же я распахнула глаза, внезапно осознав, что это вовсе не образ, а вполне реальный Давлатов, что сжимает меня в своих огромных руках, удерживая на весу.

— Арсений? — прошептала и начала крутить головой.

— Ну вот, а говоришь, в принцев не веришь. Я уже был готов поцеловать тебя и расколдовать от чар злой ведьмы-гравитации, — он вдруг рассмеялся, а после поднялся, аккуратно ставя меня на ноги.

Боже, как стыдно... Я прижала ледяные ладони к щекам, осматривая хаос в кабинете... Стремянка рухнула на стопки старых документов, и теперь весь пол был завален пожелтевшими страничками, а чтобы разобрать их, мне потребуется целый год.

— Я что — жаба, чтобы меня целовать? — я улыбнулась и быстро впрыгнула в туфли, попутно поправляя свое задранное до задницы платье.

— Ну, во-первых, в сказке была не жаба, а лягушка, а во-вторых, Настеньку тоже нужно было поцеловать, чтобы снять оковы льда, — Давлатов хитро прищурился, без смущения наблюдая за тем, как я пытаюсь привести себя в порядок. — А в-третьих, я тебя спас, Аннушка. И не в первый раз...

— Это правда, — вдохнула я и метнулась к чайнику, лишь бы просто занять свои руки. — Давлатов, ты подумай, может, это кара тебе какая свыше прилетела? Почему я оказываюсь в беде, как только на горизонте появляешься ты?

— Ну, кара или дар, я ещё не разобрался, но думаю об этом постоянно. А я тебе звонил... Но ты не берешь трубку.

— Прости, ты же видишь, какое наследство от бывшего мэра мне досталось? Кофе нет, но есть чай ромашковый. Будешь?

— Буду, — Давлатов поднял стремянку, осмотрел фронт работ, а после скинул кожаную куртку и быстро взмыл по ступенькам вверх. — Ты починить хотела?

— Нет, пыль смахнуть, а то чихаю уже неделю. Но если ты поменяешь лампочку, я готова вдвойне отработать своё спасение.

— М-м-м-м... А как звучит, — протянул он и рассмеялся, ловко становясь на перекладину стремянки. Благодаря росту Давлатов с легкостью уперся рукой в потолок, зафиксировав своё положение, и начал выкручивать старые перегоревшие лампы.

Я достала из пакета коробки с новыми лампочками и, наспех подумав, рванула вверх по стремянке с другой стороны. Отворачивалась, пыталась не смотреть на его пах, но едва отвела глаза, когда край футболки задрался, являя сумасшедшую фактуру косых мышц пресса. Кожа смуглая, бархатная, тонкая полоска темных волосков убегала за край джинсов, запуская саморазрушение моей фантазии.

Арсений опустил ладонь, принимая лампы, пока я вынимала их коробок. И теперь я рассматривала его руки... Такие крепкие, сильные, вены чуть набухшие, на тыльной стороне ладони большой шрам.

— Аннушка, мне кажется, или ты на меня пялишься?

— Не кажется, — призналась я, вовремя не сообразив, что ведь можно было просто соврать.

— Обезоруживающая честность, — Давлатов рассмеялся и довольно быстро заменил все лампы в потолочной люстре, и кабинет перестал напоминать мрачную берлогу, обитую темными деревянными панелями. — Я удивлён...

— И чем же? — я не могла сдвинуться с места, висела на стремянке, ощущая её вибрацию, пока Арсений медленно спускался.

Наши взгляды поравнялись, лишь когда он полностью ступил ногами на пол.

— Женский флирт приятный... Но с каждым годом его становится так много, что теряется его ценность. Поэтому на контрасте кажется, что правда звучит куда более возбуждающе.

— Давлатов, а ты высокого о себе мнения. Думаешь, я тут очаровываю тебя? — мой голос напоминал шорох листьев, пропала звонкость, я просто смотрела в его серые глаза и медленно тонула.

Его взгляд был похож на вскрытую полынью... Тёмную, опасную, холодную. С виду спокойная, но подо льдом смертельное течение, и, окунувшись туда, ты уже никогда не увидишь солнце, не вдохнёшь воздух. Он поглощает полностью!

— Есть немного. Давай, спускайся, а то опять свалишься, — Арсений поднял меня на руки, спустил со ступенек и аккуратно сложил стремянку, ставя её возле стены. — Собственно, я тебе ключи от твоей ласточки привёз. Поломка устранена, можешь спокойно кататься.

— Боже! Какая я идиотка! — Я было дернулась к сумке, но Давлатов выставил ногу и чуть наклонил голову, пытаясь понять, нарочно ли я хочу его обидеть. — Прости! Я так заработалась, что забыла про машину! Тут от дома Лены до мэрии пять минут пешком...

— Но это не значит, что я пришёл, чтобы получить деньги. Аня, ты спасла моих бандиток... Меня до сих пор в пот бросает, как только я представляю, если бы не ты встретила на их пути, а какой-нибудь придурок! — Арсений говорил с жаром, на лбу снова набухла венка, подтверждая крайнюю степень пережитого стресса.

— Спасибо, — выдохнула я, смирившись с тем, что денег он не возьмет. Напоминать о пожаре и о том, как он вынес меня оттуда, я тоже не стала. Как говорит мой папа: «Если человек хочет искренне помочь, то просто не мешай...».

— А ещё вот, — Арсений достал из кармана джинсов небольшую открытку и протянул мне. — Благотворительный вечер завтра. Наша договоренность в силе?

— Танцы, поцелуи, грязные домогательства и игривое... М-м-м-м... Давлатов, я сыграю твою возлюбленную великолепно! — рассмеялась я, быстро вчитываясь в суть приглашения. Яхт-клуб, дресс-код коктейльный, большей информации мне знать было не нужно.

— Идём, возлюбленная, — он вдруг усмехнулся, и я уловила перемену в его голосе, правда, не поняла, чем она вызвана. — Я твою ласточку пригнал, а значит, придется добросить меня до дома Ломовых.

— Так и быть, подполковник... Так и быть. К тому же теперь я живу по соседству.

Всю дорогу до дома Ломовых Арсений говорил по телефону. Вернее, не просто говорил, он мычал, коротко реагируя на бесконечный монолог человека на той стороне провода.

Но стоило припарковаться, как с оглушающим рёвом из дома вырвались девчонки.

— Тётя Аня!!!!

Арина и Марина бежали босиком, неслись по тропинке, размахивая распутившимися хвостиками. Мордочки у них были такими счастливыми, губы перепачканы синими ягодами, на щеках какие-то рисунки, сделанные фломастером. Я их обняла и машинально потянулась к сумке. Достала салфетки и, слушая суетливый шепот, начала стирать боевой окрас.

— Мариша сказала, что умеет делать аквагрим! — ныла Арина.

— Арина, ты что, маленькая? Мы с тобой близняшки, я не могу уметь то, чего не умеешь ты, — хохотала Марина, а сама аккуратно прижималась ко мне, правда, делала это не так открыто, как её сестра.

Боже, они внешне так похожи, а внутри совершенно разные. Аришка добрая, открытая, а Маринка наоборот – колючая, замкнутая, недоверчивая. Инь и ян...

— А ты возмёшь нас в гости? – сходу заявила Арина и схватила меня за руку. — Нам тётя Лена сказала, что ты живёшь одна. Возьми нас!

— Только вместе со мной, — Давлатов наконец-то закончил разговор и вышел из машины.

— Точно! Давай и папу возмём? — распахнула глаза Арина, явно рассчитывая, что отец говорит серьезно. — Он красивый, а ещё у него есть медальки, красивый пиджак со звёздочками и татуировка на спине...

— Татуировка? — машинально выпалила я, и Давлатов расхохотался.

— Ну, шпионки, — шикнул он и одновременно подхватил дочек на руки. — Вы ещё расскажите, где ваша копилка стоит.

— И расскажем! Правда, Марина? — Арина сопротивлялась, тянула ко мне руки, пока Арсений нес их к своему авто. — Пап, ну давай её купим! Пожалуйста!

— Ариш, мы с тобой уже говорили, что людей купить нельзя.

— Ну, хомяков же мы покупали! — вдруг вступилась Марина, бросая в меня подозрительный взгляд.

— Хомяки – не люди! — рыкнул Давлатов и задулил малявок на заднее сиденье. — Аня, прости...

— Всё хорошо, Арсений, – я поднялась, оправила юбку и двинула по тропинке к тёмному пустому дому. — Девочки были босиком. Наверное, и от Котёночкиной сбежали, ты бы предупредил, пока она план-перехват не объявила.

Я опустила голову и ускорила, ощущая, как спину прожигает не один взгляд, а целых три...

Глава 6

— Ну, Анна Витальевна, как там наши дела? — довольно протянул мой начальник и хрипло рассмеялся. Звук вибрировал в динамике телефона, отбивая чечётку на моих натянутых нервах. Придурок!

Он что, смеется? Это шутки для него? Я что, декабристка, случайно подписавшая соглашение на затычку всех дыр региона? Дальше он меня в Антарктиду отправит пингвинам спинку чесать во имя сохранения популяции?

Я и без его звонков была злая от общения с полуобморочным головным офисом. С момента моей ссылки там все остановилось! И работа, и документооборот, и корректный диалог. Эти шакалы, почуяв пошатнувшийся подо мной пьедестал, бросились всей стаей кусать меня и нарочно саботировать работу.

— Всё прекрасно, Дмитрий Львович, — я быстро сортировала документы, чтобы передать секретарю перед выходными. — Чему обязана?

— Анечка, ты что, сердишься на меня? — он снова хохотнул, но на этот раз как-то напряженно, неловко, что ли.

— Да нет, я уже привыкла, — выдохнула и остановилась, чтобы немного успокоиться и случайно не наговорить лишнего. — Дмитрий Львович, вынуждена вас предупредить, если на следующей неделе не возобновится финансирование, если не начнутся денежные движения по счетам, я буду вынуждена...

— Это что, угроза? — Пасечный прервал меня, и вот тут голос его уже отряхнулся от напускного шутиwego пуха.

— Это работа, многоуважаемый Дмитрий Львович. Работать — это когда ты приходишь в офис и выполняешь свои обязанности. А ваша команда саботирует процесс, они меня наказывают за то, что я много лет верой и правдой заставляла их шевелиться и не подставлять вас в важных проектах. А теперь вы звоните, чтобы посмеяться? — обида все же прорвалась, я опустила в кресло и закрыла глаза. — Вы знаете, что я согласилась, потому что это мой город. Я здесь росла, жители меня знают ещё с пелёнок, а значит, и проблем вам никто не доставит. Но давайте откровенно? Вы находите кандидата, я пишу заявление по собственному, и мы расходимся...

— Смолова, ты что, угрожаешь увольнением?

— Нет, это заблаговременное уведомление о намереньях. Разговор наш записывается, чтобы вы потом не делали вид, что я тупая блондинистая истеричка, — я врала напропалую... Конечно, никакой разговор я не записывала, а мысль об увольнении пришла только сейчас. Но обида в какой-то момент победила, даже на глаза навернулись слезы, но об этом он никогда не узнает.

Отец прав... Пасечный много лет спокойно и комфортно властвовал за моей спиной. Ему было тихо и надежно. Он просто привык прикрываться, и эта ссылка не что иное, как попытка заткнуть брешь, за которую может прилететь по шапке. Ну и борьба с моим бесконтрольно возрастающим авторитетом на фоне его безвольной туши.

И я бы отказалась, если бы не чувствовала ответственности за родной город! Я и так все эти годы как могла помогала. Мы провели освещение, отстроили набережную, взяли на баланс поликлинику, больницу, реконструировали детские площадки. Я сделала куда больше, чем вся батарея бывших мэров. Но сейчас меня душила несправедливость, от которой страдала Лена Котёночкина. Она много лет была ВРИО, потому что так удобно ее начальству.

Ручная послушная собачка, от которой не стоит ждать проблем. А если что не так — хлоп, и снимают табличку. Но я так не хочу.

— Диалога не выйдет, — протянул Пасечный.

— Дмитрий Львович, сейчас семь часов вечера пятницы, это априори неудачное время для переговоров. Хороших выходных, — я отбила звонок и зажмурилась, явно представляя его лютное негодование.

Ну ничего... Ещё поквитаемся. Это он сейчас сквозь пальцы смотрит на своих сотрудников, а когда они его смачно подставят, он быстренько перестанет хихикать. Придурок!

Я пулей собралась и выскочила в приёмную, где до сих пор трудилась секретарь.

— Лизавета Никифоровна, простите, но мне пора бежать, — я чувствовала неловкость, потому что не в моих правилах было уходить раньше своих сотрудников.

— Беги, Анна Витальевна, — старушка поправила свою бессменную густо залакированную причёску и сделала глоток кофе. — Ты и так неделю безвылазно тут торчишь. Слышала, Давлатов пригласил тебя на генеральский раут?

Я бросила документы и подбоченилась, медленно нависая над болтливой секретаршей. Лизавета Никифоровна начала заливаться ярким румянцем и глупо улыбаться.

— Откуда информация?

— Анечка, ты забыла, где живёшь? Это не город, это одна огромная семья... Бессмысленно прятаться. Все уже обо всём знают.

— Боже, я уже и забыла об этом, — рассмеялась и начала натягивать плащ. — Ладно, сильно не шушукайтесь, это просто сделка. Арсений очень помог мне, а мне нужно выручить товарища подполковника.

— Ань, ну хороший мужик, — Лизавета Никифоровна поднялась, поправила борта плаща и протянула мой зонтик. — Пошли к хренам своего Пасечного и просто влюбись.

— Лизавета Никифоровна, все мои влюбленности заканчивались не самым лучшим образом, — забрала сумку и вышла из приёмной.

— Не мерь всех под одну гребёнку! — крикнула она мне вслед, а я лишь ускорила, покидая мэрию.

На сборы у меня осталось минут сорок, благо Давлатов сам сдвинул время выезда, и я успела закончить текущие дела. Удача благоволила, даже дождь, что с самого утра уныло моросил, закончился.

Я быстро приняла душ, собрала волосы, надела своё любимое бежевое кашемировое платье, что особо выгодно подчеркивало фигуру. Впрыгнула в лодочки, а когда закончила подводить губы, раздался стук в дверь.

— Красотка, — шепнула я своему отражению, в последний раз придиричливо осмотрев свой образ.

Платье и правда было шикарным. Простое, но такого правильного фасона, что и задница казалась крепким орешком, и грудь выгодно прорисовывалась, а открытая спина демонстрировала ещё не смывшийся золотистый загар.

Я подхватила сумку и открыла дверь, почти утыкаясь в огромный букет белоснежных цветов. Облако мелких чайных роз густой волной ударило в нос сладким ароматом.

— Боже, какая прелесть, — ахнула, вдруг забыв о приличии и чопорной холодности, которыми подобало встречать кавалера.

Я почему-то совершенно не могла себя сдерживать рядом с Арсением. Правда и искренность реакций рвались наружу, и ничего я с этим поделать не могла. Кажется, именно это ему и нравилось.

— Да нет, Аннушка, — задумчиво протянул Арсений, с жадностью скользя по мне своим взглядом. — Прелесть – это ты. Шикарно выглядишь...

— Ну, я же обещала очаровать всех? Подожди, я цветы в вазу поставлю, — я улыбнулась и чуть ли ни силой вырвала букет, потому что Давлатов за разглядыванием меня явно забыл, что нужно разжать руку. — Или это не мне?

— Прости... Я засмотрелся...

Арсений словно отвечал правдой на правду. И признаться, это тоже подкупало. Никаких сухих заученных комплиментов, никакого чопорного и холодного восхищения. Все его эмоции живые, настоящие.

— Аннушка, нужно торопиться, пока мои бандитки не заметили нас вместе, — шепнул Давлатов.

— Я готова...

Плащ брать я не стала, и Арсений это понял, поэтому ловко снял пиджак и накинул на мои плечи. И вот тут пришла моя очередь любоваться.

Шикарный мужчина... Я давно поняла, что можно сколько угодно долго накачивать мышцы, раздувать банки, бицепсы и потеть над рельефом пресса, но все это работает не всегда. Главный элемент – это стать... Это ощущение собственной силы, готовность отразить любую атаку и укрыть более слабого. А вот этого у Давлатова было с избытком...

И стать, и осанка, и широченные плечи... И даже его касания были такими жесткими, резкими, но аккуратными. Ты кожей вбираешь силу и подчиняешься, чуть ли не размахивая хвостиком, как признавшая своего хозяина собака.

Арсений проводил меня на пассажирское сиденье, помог сесть и аккуратно закрыл дверь. Он даже обходил машину, не сводя с меня взгляда, а я как девчонка улыбалась, не решаясь разорвать этот контакт...

— Как дочки? — аккуратно спросила я, когда Арсений выехал с придомовой территории.

— Теперь они узнали, что такое благотворительный сбор, — тяжело вздохнул Давлатов. — И теперь Котёночкину, Дудину, Ломова и Камалова ждет концерт, собранные средства с которого пойдут на покупку мамы...

— Боже, они очаровательные в своей упертости...

— Радуйся, Аннушка, — прошептал Арсений и обернулся, когда мы остановились на красном сигнале светофора. — Стоимость сделки повышается. Если ты откажешь им ещё раз, мне придётся заложить квартиру, продать почку и даже машину, чтобы доказать серьёзность наших намерений...

Наших? Он правда сказал «наших»?

Глава 7

— Кого я вижу! Давлатов! — резким эхом прокатилось по заставленному автомобилями переулку, как только мы остановились у огромного белоснежного особняка.

— Геннадий Ильич, — ответил Арсений, но вместо того, чтобы поприветствовать знакомого, первым делом открыл для меня дверь, протянул руку и, как истинный джентльмен, помог выбраться из своего джипа.

Наши пальцы сплелись, я оперлась на его ладонь, ощутив крепость его поддержки. И даже когда я оказалась на земле, Арсений не разжал пальцы. Он лишь чуть сдвинул меня себе за спину, выводя на центральную подъездную дорожку, возле которой стояла толпа мужчин.

— Добрый день. Прошу знакомиться, моя спутница, Смолова Анна, — Арсений чуть вытянул меня, опутывая своей рукой, а после рывком прижал к груди. — Аннушка, это генерал Смольцов Геннадий Ильич, это Дюков Олег Палыч...

Я машинально улыбалась, кивала и отвечала на рукопожатия седовласых статных мужчин. Несмотря на их строгие костюмы, военную выправку скрыть было невозможно, невидимые чужому взгляду погоны давили на их плечи, делая движения скованными.

— Ах ты хитрец, — протянул генерал, последним пожимая мою руку, а после весьма галантно прижался губами к костяшкам.

И я готова была поспорить, что в этот момент ощутила вибрацию в груди Давлатова. Он словно неслышно рычал, очерчивая границы дозволенного... И генерал отступил, быстро закивав головой.

— Знал, что Клара начнёт тебя сватать, и заблаговременно пресек попытку найти годную жену?

— Тактический маневр, — Арсений рассмеялся. — Вы же сами меня этим учили.

— Анечка, это мой лучший ученик, — с гордостью произнес генерал и как-то по-отцовски хлопнул Арсения по плечу. — Мы с его отцом прошли и Крым, и Рим, поэтому ты уж прости старика за вольность слов.

— Ничего страшного...

— Тогда идём?

Мы вошли в дом, пересекли гостиную и вышли на огромную террасу, заполненную людьми. Арсений вновь снял пиджак и накинул мне на плечи, то ли боясь, что я замёрзну, то ли он слишком внимательный и не желает, чтобы все лицезрели мою открытую спину. Но я не сопротивлялась... Мне вообще было уютно и комфортно в его руках.

В них не было пошлости, не было агрессии и желания показать всему миру, что я — его собственность. Он просто был рядом...

— Арсений! — раздалось за спиной, и даже я поморщилась от высоких писклявых ноток. А через мгновение Давлатова буквально оторвали от меня.

Крупная женщина с пугающе сильно начёсанными жиденькими волосами прижалась к груди Арсения и громко запричитала от радости встречи.

— Вот! Говорила я, что Москва всех ломает! А ты не послушал тётю Клару... Кто я? Старая генеральша... да? А ведь я жизнь познала, Арсений, опыт у меня за спиной...

Женщина тяжело вздыхала и чуть ли не плакала, сожалея о разрушенной судьбе Арсения.

— Клара Евгеньевна, знакомьтесь, — Давлатов перебил эти стенания и тактично вырвался из его душных объятий. — Моя спутница, Смолова Анна.

— Боже, деточка, ты почему такая худенькая? — охнула генеральша, и настал мой черед быть скомканной в её крепких руках.

Женщина крутила меня, даже сняла пиджак и провернула вокруг своей оси, и не столько для оценки, сколько для демонстрации товара присутствующим. К нашей компании и так было

повышенное внимание, а после этого жеста буквально все собравшиеся пялились на моё изящное кружение.

— Давлатов, ты что, её не кормишь? — прохрипела генеральша.

— Клара Евгеньевна, — перебила я её, прежде чем меня заставят есть и за маму, и за папу. — Очень приятно. У вас замечательный дом. Боже, а что за сад?

Я обернулась, указывая на ровные рядочки туй и огненно-красных деревьев, выстриженных аккуратными шарами.

— Ты думаешь, что я избалованная генеральша я тучей крепостных? Нет... Я к своему дому и саду никого не подпускаю. Всё своими силами, — женщина протянула руки, что и правда не походили на руки помещицы. Мелкие трещины, шрамы и царапины разного калибра украшали её морщинистую кожу. — Мы с генералом прошли и гнилые казармы, и на Севере пять лет жили, и даже в пустыне довелось побывать.

— Боже, — ахнула я, представляя, что же выпало на плечи этой женщины. Но стоило заметить то, как она смотрит на своего генерала, исчезла вся жалость... Не по приказу она это делала, а по зову сердца.

— Эх, Анечка, если бы не эта профурсетка столичная, наш Арсюша бы тоже уже был генералом... Ты знала, что он служил в ФСБ? — зашептала генеральша, правда, Давлатов мгновенно пресек поползновения на свою личную жизнь.

— Клара Евгеньевна...

— Поняла. Затыкаюсь! — женщина вскинула руки вверх и широко и очень искренне улыбнулась. — А вы шикарно смотрите... Ну, гости, вы что, есть сюда пришли? — внезапно заголосила она и захлопала в ладоши. — Танцуют все!

Терраса по генеральской команде утонула в медленной мелодии, гости вмиг начали делиться на пары, не желая спорить с приказом главнокомандующей, в стороне не остался и Арсений. Его тяжелые руки проскользили по талии, медленно разворачивая меня к себе лицом, на плечи вновь опустился теплый пиджак, прогоняя странную дрожь, что разливалась по моей коже.

Я вскинула на него взгляд и улыбнулась, вдруг ощутив его растерянность.

— Товарищ подполковник, я прикрою, — шепнула и сделала шаг навстречу. — Даю команду... Установить зрительный контакт, взять даму за локоть...

Арсений как робот начал выполнять мои приказы, и от резкости его хвата я чуть не взвизгнула.

— Товарищ подполковник, я не ружьё, можно и понежнее, — шепнула ему в шею, ощущая ответную дрожь, что мощной вибрацией пронеслась по его груди.

Давлатов выдохнул и сделал вторую попытку. Его касания теперь были крепкими, но невесомыми... Он не тискал меня, как на школьной дискотеке, но дистанция была достаточной, чтобы ощущать, как неистово бьется его сердце.

Смотрела ему в глаза и тонула... Тонула так стремительно, что все звуки в месиво превратились. Это было так странно. Мы почти ничего друг о друге не знали. Он был посторонним мужчиной... Но тогда почему рядом с ним я ощущаю себя как дома?

— Аннушка...

Так меня никто никогда не называл. Это имя как из детских сказок, и образ старушки-нянечки вырисовывается мгновенно. Но из уст Давлатова моё собственное имя вылетало с восторженным придыханием, он так соблазнительно его растягивал, смакуя каждый звук.

— Ты прости Клару... Она не со зла.

— Милая женщина, — я украдкой взглядом нашла генеральшу, что со слезами на глазах наблюдала за нами. — Я не знала, что ты местный.

— Нет, я просто служил здесь. Отец с генералом и правда прошли вместе долгий путь, поэтому когда я решил тоже пойти в военное дело, было принято решение отдать меня под покровительство Смольцова.

— Почему Клара говорила про ФСБ? Я думала, что ты в ОБЭПе, — вскинула голову, вновь утопая в его серых глазах.

— Когда появились девчонки, мне пришлось делать непростой выбор, — тяжело вздохнул Арсений, а после бросил странный, какой-то туманный взгляд на генерала.

— Так, значит, ты не в отпуске... — прошептала я, вдруг отчетливо услышав нотку сомнения в его голосе. — Тебе предложили работу?

— Аннушка, тебе бы в дознании работать, — улыбнулся Арсений. — Да. Генерал предложил вернуться на службу, ведь девчонки уже взрослые.

— Скучаешь по прошлой работе? — аккуратно спросила я, укладывая ладонь ему на грудь, как датчик детектора лжи. Всего одно касание, а мне всё ясно стало...

— Скучаю... Но ещё я знаю, что эта работа не предполагает статус отца-одиночки. Это малявки думают, что достаточно просто найти маму. Но ведь это будет посторонний человек! Я порой самому себе их доверить не могу, что говорить о какой-то женщине?

Нет, Арсений не пытался обидеть женщин или меня конкретно, он просто говорил правду. Пусть и непростую, колючую, болезненную, но правду.

— Как ни странно, но мы с Ломовым и Камаловым отлично справлялись все эти годы. В последнее время меня сильно выручал Федька, он забирал моих стрекоз из садика, и я был уверен, что с ними все будет в порядке. А теперь, когда мужики оказались здесь, я понял, что в столице мне делать нечего...

— Тогда ты правильно решил пожить тут немного. Осмотришься, привыкнешь, оценишь обстановку, — не знаю почему, но я зачем-то стала убеждать Давлатова в верности его решения.

Я вдруг ощутила укол страха... А что если он завтра снова уедет в Москву, сделав единственно верный выбор? Кто будет выносить меня из пожара? Кто подхватит со стремянки? Кто будет биться на торгах, перебивая ставки своих дочек?

— Боже, какие люди! — раздалось за спиной, и мне не нужно было оборачиваться, чтобы узнать этот голос...

Громогласный, с напускной хрипотцой и такой театрально поставленный. По позвоночнику пробежался холодок досады. Я закрыла глаза, желая лишь одного — пусть это будет галлюцинация. Арсений напрягся, теснее прижал меня к себе и сделал шаг, чтобы первым посмотреть на источник шума.

— Анька, моя милая бывшая супружница...

Его АНЬКА на фоне Аннушки щелкнула звонче хлыста. И так больно стало...

Мне пришлось сжать руку Давлатова, чтобы показать, что все в порядке, и меня можно не защищать. Обернулась к Андрею, уже натянув улыбку любезности.

— Привет.

Андрея, как всегда, сопровождала верная свита, что вечно обновляла его бокал, хотя все прекрасно знали, что ему просто противопоказано пить. Он называл их друзьями, но я-то видела, что они обычные пиявки, прицепившиеся к нему. Они веселились, когда он устраивал дебоши, мелькали в скандальных статьях, купались в известности, не брезгуя желтушностью содержания.

— Привет, милая, — Андрей было подался вперед, чтобы обнять меня и поцеловать, но Арсений этого не позволил... Он просто шагнул вперед, застывая перед бывшим мужем нерушимой скалой.

— Добрый вечер, подполковник Давлатов, — Арсений протянул руку, а Андрей шумно сглотнул слюну, но руку пожал, не в силах сопротивляться приказу.

— Ань, тебя что, на военных солдафонов потянуло? — расхохотался Андрей.

— Ты бы поаккуратнее, а то из дома солдафонов тебя выкинут быстрее, чем «мяу» успеешь сказать, — выплюнул Давлатов и подтвердил свои слова легким тычком, от которого Андрей чуть ли не свалился в руки своей свиты.

Боже, я уже и забыла его тягу к перфомансам... Сейчас он был одет в бархатный костюм изумрудного цвета, под воротничком красовалась желтая бабочка, и я ненароком усмехнулась, вспомнив свадьбу Котёночкиной. Клоун, вечно ищущий бриллианты таланта в бесконечном море бездарностей...

— Ты, я слышал, окончательно утонула в политике, — Андрей не хотел затевать скандал и привлекать к себе внимание, поэтому быстро оправился и сделал предупредительный шаг в сторону, намекая Давлатову, что покушаться на моё личное пространство не собирается. — Это что, твой политический проект?

— Арсений, знакомься, это мой бывший муж, — я позволила себе пренебрежение в голосе, учитывая, что его свита, взяв нас в плотное кольцо, откровенно посмеивалась.

Мне было так неудобно! Этот огрызок богемы сейчас определенно устроит сцену. А как хорошо начинался этот вечер...

— Андрей Рюмошный, — с гордостью произнес мой бывший и вновь протянул руку.

Давлатов не растерялся и расхохотался, даже не пытаясь скрыть свой сарказм.

— Теперь понимаю, почему ты не сменила фамилию...

Чёрт... Кстати, эта кара преследовала меня ещё с первого мужа. У Славика фамилия была Свинарёв, у Макара – Бирик. И я ни разу не взяла фамилию своего супруга... Быть может, причина моих разводов именно в этом?

— Солдафонский юмор, — закивал Андрей, пытаюсь скрыть румянец смущения. — Но я без претензий. У вас, наверное, другие интересы? Не до театра, не до искусства... Пик вашего наслаждения – ровный строевой ход и квадраты построений.

— Андрей, подполковник Давлатов определенно ценитель искусства, правда, того, где есть содержание и смысл, а не того, где актёры два часа кривляются на фоне разбитого злого унитаза.

— О! Ты в курсе моей последней постановки? — возликовал Андрей, явно приняв мои слова за комплимент. — Анька у нас всегда была топорной дамой. Предпочитала классику, прямые сцены и отсутствие изюминки... Простота и скудоумие в тощем тельце, как говорила моя матушка. А вы подходите друг другу... Не все могут оценить глубину искусства. Кому-то ближе боевики и дешёвые бульварные романчики.

— А вы правы, — вдруг выдал Давлатов, при этом голос его снова стал ровным, спокойным, и лишь искрящийся взгляд намекал на готовность вышвырнуть Андрея отсюда. — Не всем нравится тратить время, наблюдая за фальшивой игрой недовольных актёров. Что плохого в боевиках? Сюжет, четкость мысли и победа добра над злом... Жизнь – штука прямая и простая.

— Прямо воин-философ, — закатил глаза Андрей. — Слышал, в воинских частях тоже ставят патриотические постановки. Быть может, вам помочь? Посоветую вас моему руководству, и я с удовольствием скрашу досуг солдат, что сутками метут пыль, лужи и гребут снег...

— Товарищ Рюмошный, — вдруг проскрипел Давлатов и навис над Андреем. — В нашей системе, может, много недочетов, и мы кажемся вам тупыми солдафонами... Порой в наших рядах встречаются и такие. Но вот чего мы никогда не делаем – не пускаем свиней в свой огород. Мы проверяем анкеты, изучаем прошлое, моральный облик кандидата... А вот с этим у вас большие проблемы, — Арсений вдруг обернулся, словно заранее просил прощения, а после продолжил: — Что, кстати, с тем скандалом по поводу гранта от мэрии? Слышал, дело до сих пор в Следственном комитете? Вы, кстати, не в курсе, куда делись деньги?

— Это клевета! — прохрипел Андрей, стремительно теряя краску.

— Возможно... Но впредь, товарищ Рюмошный, прежде чем совать свою гениальную кандидатуру, потрудитесь очистить свою черную бухгалтерию. Кстати, я забыл представиться... Подполковник ОБЭП, Давлатов Арсений Ильич...

Андрей вытянулся, а от его свиты не стало и следа... Он стоял перед Давлатовым, проигрывая ему по всем статьям. Вот вам и солдафонская каша... Кушайте – не обляпайтесь!

Мой бывший муж что-то промямлил и растворился в толпе, забыв попрощаться.

— Товарищ подполковник, — прошептала я, вновь сплетая наши руки. — Это самое гениальное психологическое давление, что мне доводилось наблюдать.

— Польщен, — Арсений поправил пиджак на моих плечах и повел к фуршетному столу.

— Но изучать моё прошлое настолько досконально было необязательно, — не удержалась и добавила я, осознав, что он не так уж и прост.

— Должен же я обеспечить юридическую защиту сделки моих дочерей? — Давлатов рассмеялся и вручил мне бокал шампанского.

Арсений осмотрел толпу, а убедившись, что Рюмошный растворился, расслабился. Снова обнял, прижал к своей груди и тихо выдохнул в макушку.

Я подняла глаза, наблюдая, как одновременно и будто в нашу честь генерал и генеральша подняли свои бокалы, синхронно и явно одобрительно кивая...

Глава 8

— Ну, вот я и внесла обязательный платеж за одно из своих спасений.

Арсений помог мне сесть в машину, подобрал край платья и аккуратно забросил на колено. Касание было невесомым, мгновенным, но этого было достаточно, чтобы снести меня с вершины... Давлатов был снежной лавиной. Он несся к своей цели, сдирая стылый снежный покров брони, которую я выстраивала долгие годы.

Он не холодный, нет... Он живой, сильный, с ним комфортно, и совершенно не хочется жеманничать, флиртовать и стыдливо опускать глаза, когда Арсений касается меня. Наоборот! В этот момент хочется смотреть и напиваться этим ощущением.

Давлатов совсем другой... Он один воспитывает двух одинаковых, но таких разных проказниц, они чистые, одетые, причесанные, и сообразительнее многих взрослых. Ариша и Мариша веселые, шумные, любопытные... А их любимая игра – трепать нервы своему папуле. Но Арсений справляется и с этим... Возможно, именно таким должен быть мужчина? Но тогда почему он до сих пор один?

— Мне страшно, Аннушка, — Давлатов улыбнулся и вдруг подался вперед, сокращая дистанцию до пары сантиметров. — Ты смотришь на меня, как на сочный стейк...

— Подполковник Давлатов, неужели вас может напугать женский взгляд?

— Прошу заметить – похотливый взгляд! — шепнул он, и его горячие пальцы легким бегом двинулись вверх по руке, плечу, останавливаясь у уха... Он зарылся рукой в мои волосы, ласково массируя корни.

— Будь добр, не замечай этого.

— А что, если мне это нравится?

Мимо нас проходили гости, кто-то уезжал домой, кто-то выбирался за территорию, чтобы подымить вонючими сигарами, но нам было все равно. Мы никого не замечали, но как только из кармана Давлатова запищала забавная мелодия из мультфильма, он сделал резкий шаг назад, а после захлопнул дверь, обрывая это волшебное мгновение.

Я всего на пару секунд осталась одна. Смотрела, как он обходит машину, и понимала одно... Центр вселенной этого мужчины уже занят.

Любовь эгоистична, отношения мужчины и женщины строятся либо на эмоциях, либо на общих целях. И вот тут прячется ответ на вопрос – почему этот идеальный мужчина один? Ему нужна не та, кто хочет быть центром вселенной, а та, которая встроится в эту солнечную систему и скромно займёт отведенное ей место.

— Да, милая, — Арсений рассмеялся и перевёл звонок на громкую связь, а после завёл двигатель и рванул вон с парковки. Он нервно поглядывал на часы, будто и вовсе забыв обо мне.

— Папуля, а ты где? — хором воскликнули девчонки. — Ты же обещал сделать для нас мегапенную ванну!

— Милые, я уже еду. Простите, немного потерялся во времени, — Арсений ловко лавировал между автомобилями, пока мы не вырвались на трассу.

— А где ты был?

— Я был на... — Давлатов нервно взъерошил волосы и сорвал галстук. — Был на выставке авангардистов.

— Авангардисты — это кто? Разбойники? Преступники?

— Нет, это дяди художники, они не умеют рисовать, но очень стараются, — Арсений рассмеялся и вдруг обернулся в мою сторону. С его лица спало и веселье, и улыбка, он даже вздрогнул, будто только что вспомнил о том, что не один.

— Всё хорошо, — отмахнулась я, произнеся это одними губами, чтобы не вклиниваться в их семейный разговор.

— Ладно, бандитки, я скоро приеду. Готовность десять минут!

— Есть десять минут! — хором ответили девчонки.

Всё, что мне оставалось в этой ситуации – сидеть тихо и быть свидетелем любви. Большой отцовской любви, чья цель — сделать всё, чтобы его девчонки не чувствовали себя брошенными.

Он один не потому, что никого не впускает, а потому что ни одна нормальная женщина сходу не согласится быть частью чужого мира. В этих отношениях не будет спонтанных поездок на море, веселья в клубе, походов в ресторан, а после жарких ночей в ближайшем отеле, когда добраться до дома не хватает терпения.

Это уже семья... И там есть правила. Осталось понять, готова ли я к этому? Хотя мне никто и ничего не предлагал...

Арсений притормозил у моего дома, не доезжая до парковки, чтобы девчонки не увидели, что мы приехали вместе. Окна дома Ломовых полыхали ярким светом, оттуда доносился счастливый детский смех. Но пышный куст сирени служил отличным укрытием, чтобы нас никто не заметил.

— Спасибо за вечер, товарищ подполковник, — я улыбалась и делала то, что удавалось мне лучше всего – притворялась.

Эта сцена в машине оказалась ушатом ледяной воды после прекрасного вечера. И хорошо, что это произошло сейчас, до того как я в очередной раз влюблюсь.

— И тебе спасибо, — Арсений тяжело выдохнул и неожиданно нажал педаль газа, выкачиваясь из укрытия. — Аня, я знаю, как это выглядит. И представляю, как выгляжу я! Пригласил женщину, о которой просто не могу перестать думать на свидание, а после тайком высадил у дома, чтобы не заметили дети, — Давлатов снова взъерошил волосы на макушке. — В моей голове свидание было более романтичным.

— Всё и было романтично до тех пор, пока ты не закрылся, — я прижала к груди сумку и потянулась к ручке двери, но Арсений перехватил мою руку.

— Аня, прости, но я разучился говорить намёками. Ты... Ты шикарная девушка, и я давно так не заикливался на ком-то. Я думаю о тебе постоянно! Я готов тебя поцеловать, все мои мысли о том, как бы оказаться наедине, а потом мне звонят девчонки... И я снова оказываюсь отцом. Человеку дан страх, чтобы избегать ошибок... А сейчас я чувствую страх.

Давлатов и правда не стал вилить, сказал все в глаза, честно и совершенно точно считывая мои мысли. Он до скрипа сжал руль, уложил на него подбородок, тихонько наблюдая за окнами дома, где веселились его девчонки.

— Они маленькие... Думают, что достаточно купить маму, и в доме наступит счастье. Но всё куда сложнее.

— Арсений, я понимаю, что каждая понравившаяся тебе женщина будет лишь очередной в списке, а ты навсегда останешься первым и единственным для дочек. Я могу им нравиться, могу нравиться тебе... Но ты, в отличие от детей, понимаешь, что иногда с людьми приходится прощаться, и умеешь это делать. Вы – сбитый и крепкий экипаж, а я — подменная бортпроводница. Могу сработаться с вами, а могу облажаться на первом же взлёте, — я протянула руку и накрыла его белесые и напряженные пальцы.

— Ты думаешь, у нас армейский порядок и муштра? — неожиданно Давлатов рассмеялся и повернулся ко мне, но рук не разжал. Он лишь крепче сплёл наши пальцы. — Нет, Аня... У нас полный хаос, шум и перечень нескончаемых проблем и задач. Я пытаюсь держать все под контролем, иначе утону в этом! Они растут, и уже недостаточно заплести косичку, которую я репетировал много лет. Меняются их проблемы, заботы... Они взрослеют, и их задачи взрослеют тоже! Теперь вот они просто решили купить маму, и мне страшно даже думать о том, что

меня ждёт впереди. Ты говоришь, что мы – сплоченный экипаж... Но нет. Это они экипаж, это они близнецы, которые умеют общаться без слов. А я...

— Ты их подполковник. Их вожак...

— Да нет, Аннушка... Они ищут не командира, а маму...

— Ты ни в чём не виноват. Если кому и нужно принимать решение, то мне... Готова ли я к полёту, по итогу которого в любом случае выберут не меня?

— Вы что, ругаетесь? — вдруг раздалось справа, и поверх белоснежного штакетника высунулись две любопытные мордочки.

— А вы что, сбежали? — Арсений простонал и уронил голову на кресло. И мне стало его жаль... Да, он прав, если тут кто и экипаж, то это они.

— Тётя Аня, — вдруг дверь с моей стороны открылась, и в салон ловко взобралась Ариша. Она тут же уселась мне на колени и вытащила из нагрудного кармашка комбинезона сложенный вчетверо листок. — Это вам...

— Это что, взятка? — я улыбнулась и приняла дар, аккуратно раскрывая листок.

— Иди сюда, — Арсений тоже открыл дверь и усадил Марину к себе на колени, а после поцеловал в макушку. — Сколько нужно с вами говорить, чтобы вы перестали сбегать?

— Это не побег, а тактический манёвр. А ещё мы не выходили за забор, — упрямо мотнула головой Марина, но мне показалось, что она впервые улыбнулась... Она улыбнулась мне!

В моих руках оказался по-детски яркий рисунок. И небо голубое, и лица такие счастливые. Но главное – на снимке запечатлены были четверо. В центре, взявшись за руки, были девочки, а по бокам стояли Давлатов и я...

Это больно и подло... Но при этом этот рисунок – самый лучший подарок, что я когда-либо получала.

Глава 9

— Ань, я тебя просто не узнаю! Ты же смелая, решительная, тебе море по колено! — воскликнула Лена и начала кружить по моему кабинету, машинально поправляя стулья после недавно закончившегося завещания.

— Анют, а Лена права, — Ольга подсела ближе и обняла меня. — Ты чего, испугалась Давлатова?

— Ну что вы несете? Да не боюсь я его... — ложь сама сорвалась с языка, но по взглядам подруг было понятно, что не прокатит. Эти гарпии знают меня с детства!

Я могу обмануть себя, мать, сестру, сотню нерадивых сотрудников, проверку министерскую, но вот их вокруг пальца мне не обвести.

— Но если честно, то очень боюсь!

— Ну что, у него три головы? — Лена устала бегать и опустилась в кресло напротив. — Ведь хороший мужик, ответственный, красивый, сильный... Разве это не мечта нормальной бабы? Чего бояться-то?

— Ну что вы тут театр устроили? — я откинулась на спинку кресла и начала вращаться, плавно покачиваясь, чтобы успокоиться. — Ну не спаситель он, понимаете? Не из той касты принцев, что появляются на закате, сверкая доспехами, чтобы подлатать мою самооценку, одарить цветами, вернуть веру в себя, любимую, качественно отлюбить, вытащить из глубочайшей депрессии и снова умчаться в закат спасти другую дурёху...

— Ну? И что в этом плохого? — Ольга открыла рот, явно не понимая, к чему я клоню. — Ань, ты у нас тоже не прошмандэ... За молоденькими не носишься, у старпёров сумочки не выпрашиваешь, всю жизнь лямку сама тянешь. Да на тебя, дура, весь город молится! Пять мэров было... Пять! А только ты все окрестности причесала, отмыла и показала, как малую Родину надо любить. Мы не к тому, что он нормальный мужик, а ты баба в глубокой депрессии...

— А к чему? — сорвалось с языка, и это стало стратегической ошибкой, потому что мои подруги поднялись и начала наперебой читать лекцию.

— Ты же у нас красавица! Ну, посмотри в зеркало! Пятьдесят килограмм в тридцать восемь лет надо ещё удержать! Личико светлое, помыслы чистые, принципиальная, честная... Твой Давлатов должен ещё потрудиться, чтобы захомутать тебя! — выпалила Дудина и посмотрела на Лену, но та словно меня поняла без слов, она медленно осела на диван и опустила глаза.

— Не струсилась она, — подытожила свои умозаключения Лена.

— Ну как не струсилась, если сидит тут, вместо того чтобы Арсения обхаживать? — Ольга от злости то и дело хлопала себя по пышным бёдрам, явно не понимая, почему Лена её не поддерживает.

— А с чего это она должна его обхаживать? Анька у нас спасительница в психологическом треугольнике, — Лена разлила чай по чашкам, чтобы просто занять руки. — И Славика спасала, и Макара, а про Рюмошного я вообще молчу. Сколько она его по психушкам таскала? Сколько сама капельниц поставила? Она же не ела, не пила, только о его эго творческом думала. Главное, чтобы Андрюшина репутация не пострадала. И что? Кто-то оценил?

— Лена, не пудри ей мозги! — взвыла Дудина. — Упустит Давлатова! Упустит!

— А если упустит, то так и надо! — отмахнулась Котёночкина.

— Дуры вы бабы... Дуры! — Ольга схватила сумку и кинулась вон из кабинета. — Сегодня суббота, а она в мэрии торчит! Весь город гуляет, а она прячется! Частенько вы нормальных и холостых встречали? А?

— Ты поэтому от Камалова бегаешь? — огрызнулась Лена. — Ты себя послушай, и выводы правильные сделай. Чего ты на Аньку давишь, когда сама ведешь себя, как девяти-

классница? Оль, ну он тоже хороший мужик... Тебе с начала наш разговор повторить? Или вспомнишь?

— А правильно говорят... Дуры бабы! — Дудина раскраснелась и пулей вылетела из кабинета, оставляя нас с Леной наедине.

Сегодня и правда была суббота... Ещё и День города, а я с пяти утра сижу в кабинете, пытаюсь завершить дела, вот только меньше их не становится. Но Ольга тоже была права, когда сказала, что я просто прячусь. Сначала я устала ждать звонка от Арсения, потом вдруг испугалась, что он позвонит... Но мой телефон молчал. Короче, я просто тихо сходила с ума.

— А теперь, Смолова, меня послушай, — Лена поднялась, оправила джинсовое платье и посмотрела на часы, словно прикидывала, сколько у неё есть времени на прочистку моего мозга. — Я тебя понимаю... И права учить тебя не имею, потому как у нас с Ломовым другая ситуация. У нас игровая ничья: два пацана, два дома, две схожие жизни. А у тебя всё сложнее.

— Определённо... — вздохнула я, откидывая тюль, чтобы посмотреть на центральную площадь, куда стягивался народ.

— Ты никогда себя не выбирала. С головой бросалась в решение проблем своих мужей, а потом все привыкали, и это становилось нормой, — Лена подошла ко мне со спины, крепко обняла и уткнулась носом в шею. — Не хочешь стать решением проблемы Давлатова? Думаешь, он посмотрел на тебя, лишь когда девчонки эту игру в покупку затеяли?

В словах Лены было слишком много правды...

— И да, и нет. Понимаешь, к ним в семью нельзя войти на время, чтобы просто попробовать. У меня так не получится! Смотрю в эти одинаковые глаза-бусинки, и уже готова на всё! Я мысленно уже и платья красивые покупаю, и отпуск планирую, и к зубному записала... Ты, кстати, видела, что у Мариши что-то с передним зубом? — я обернулась к подруге, а та сначала замерла, а после встревоженно хихикнула.

— Ань, скажи честно, что происходит? — шепнула Лена и опустила на колени, не отводя взгляда.

— Я боюсь, что Давлатовым движет желание его дочерей, а мной движет неумимающийся материнский инстинкт...

Мне стоило всего мужества, чтобы признаться в самом главном страхе.

— Ещё никогда чужие дети так глубоко в моё сердце не попадали. Я же им сопротивляться не могу! Ты знаешь, мне кажется, если они ещё раз предложат стать их мамой, я побегу за чемоданами. Глупо? Да?

— Есть немного... — кивнула Лена. — Но ты слепа, Анют... Ты же не видишь, как Давлатов на тебя смотрит. И началось это давно... Вспомни, как он тебя из пожара вынес, вспомни, как за столом взглядом тебя прожигал. Он же, бедный, трижды мимо рта вилку пронёс!

А мне нечего было ответить... Мне просто нужно было услышать эти слова. Улыбалась, как идиотка, вспоминая и тот благотворительный вечер у генерала, и нашу поездку домой. Лена права, женщина всегда чувствует природный зов, причем не только материнский, но и чисто мужской, похотливый, что ли.

— Анют, может, рано ты панику разводишь? И вообще, ты права! Давлатов тоже не должен сидеть на жопе ровно. Пусть напряжётся, что ли?

Я просто кивала, прекрасно понимая, что подруга моя права.

— Ну что? Идём домой? — Лена потрепала меня по руке, а после схватила мою сумку и потянула вон из кабинета.

Мы с Леной вышли из мэрии и, взявшись за руки, двинулись к дому.

— Сколько он не звонил? — тихо спросила Котёночкина.

— Неделю, — выдохнула я и задрала глаза к небу.

— А ты знала, что он девчонок в садик устроил? — аккуратно спросила Лена.

— Как это? — вздрогнула я.

Садик? Значит... Значит, он решил задержаться в городе?

— Ну, вот так... Мы ему помогли немного, и Аришку с Маришкой приняли в группу. Он как сумасшедший все справки собирал, в поликлинику на учет малышей ставил. Ань, ты же права! Вот такие у него исходные данные, и их нужно либо принять, либо не морочить голову ни себе, ни ему...

— Тётя Аня!!!! — знакомый хор вдруг раздался из-за забора, и мы с Леной одновременно вскрикнули от неожиданности.

За невысоким штакетником виднелись лишь разноцветные резиночки, эти поплавки двигались в сторону калитки, а после послышался лязг металла, и в распахнувшейся дверке засияли две одинаковые мордочки. Они стояли на пороге и переглядывались...

— Привет!

Я растерянно осмотрелась, не понимая, почему мы с Леной пошли именно этой дорогой, хотя был путь в сто раз короче. Тут либо мой инстинкт сам меня сюда привёл, либо постаралась Котёночкина.

— Нам нельзя выходить за эту линию, — Марина ткнула пальцем в валяющуюся на земле деревяшку.

— Молодцы, — я перешла дорогу и присела, а через мгновение на меня навалились девчонки. — Как ваши дела?

— Плохо... Мы тебе не понравились, да? — Арина сходу бросилась в слезы, не отставала от сестры и Марина, она дула губы и быстро хлопала ресницами, пытаясь сдержаться.

— Конечно, понравились! Вы чего? — я задрала край футболки и начала стирать детские слезы. — Как такие милые булочки могут кому-то не понравиться?

— А почему ты не приходила? Вот смотри! — девчонки показали яркие пластыри и на предплечье, и на пальчике, откуда, очевидно, у них брали кровь. — Знаешь, как больно было?

— Давай подую? — я улыбнулась и сжала сразу два пальчика, принявшись утешать горе малявок. — Скоро всё пройдёт.

— Папа казал, что до свадьбы заживёт, — улыбнулась Марина и неожиданно обняла меня крепко-крепко. — Тётя Аня, а ты сильно занята?

— Нет, конечно! — нарочно громко воскликнула Лена, явно привлекая внимание Давлатова... И так оно и вышло. Он выскочил из дома ровно через секунду.

— Пап! Тётя Аня согласна! — хором заголосили девчонки и бросились к отцу, вот только моей руки они не отпустили.

— На что я согласна?

Сказать, что я оказалась в глупой ситуации – ничего не сказать. Семенила за детьми, а сама глаз поднять не могла. Казалось, если посмотрю на Арсения, то он все поймёт!

— Аннушка?

Знакомый мелодичный и низкий голос вмиг стер всю тревогу и страх. Я вскинула голову, утопая в тумане его серых глаз. Давлатов не сомневался ни единой секунды, сделал шаг и обнял меня...

— Так на что я согласилась? – шепнула ему на ухо.

— У нас новый садик! А там сегодня спорто... сирто...

— Спартакиада, — помог дочери Арсений, он чуть отстранился, но руки с моей талии не убрал.

— Мама, папа, я – счастливая семья! — в голос воскликнула Ариша.

— Спортивная семья, — Мариша поправила свою сестру, а после подняла умоляющий взгляд. — Тётя Аня, вы пойдёте с нами? Это в Москве все знают, что нет у нас мамы. А тут-то никто не знает...

Никто, кроме нескольких тысяч жителей, что уже к вечеру будут шушукаться сплетнями.

— Пойду... — ответила я до того, как успела проанализировать предложение, что шло вразрез с моими страхами.

А может, иногда стоит их не слушать?

Глава 10

Давлатов

Я с тревогой наблюдал, как мои девчонки льнут к Ане. Видел их полыхающие взгляды, их восторг, улыбки и желание понравиться. Они заливисто смеялись, пытались одновременно взобраться к ней на руки, но Аня была слишком хрупкая для этих бандиток. Сначала я подумал, что это ревность... Ну, то гадкое чувство, когда человек становится материалистом и воспринимает другого человека не как самодостаточный объект, а как собственность... Частную и неприкосновенную.

Но чем больше проходило времени, тем отчетливее я понимал, что это не ревность. Это страх...

Аня такая чуткая, милая, добрая, хоть с виду этого и не скажешь. Она выглядит как голливудская актриса: шикарная копна белокурых волос, выразительные голубые глаза, пышные губы, родинка на правой скуле. Все её движения, мимика, мягкость жестов – всё говорило о стабильности внутреннего мира.

А ещё она оказалась слишком проницательной, чтобы не видеть очевидного.

И даже мне, очерстевшему и совершенно узколобому в части отношений мужчине, стало понятно, что меня тянет к ней как магнитом. Смотрю, а по позвоночнику волны тока растекаются. Меня то накрывает, то отпускает, но следующая волна становится ещё сильнее...

Мне нравится в ней всё! Она — как эталонный образец, сверяясь с которым, нужно искать вторую половинку.

Аннушка... Даже её простое имя сладостью сахарной ваты растекается на языке. И я уже готов на всё... В голове проносятся команды: лежать, сидеть, смотреть и тащить в пещеру, пока никто другой не опередил.

— Готовы? — я махнул рукой, когда из бывшего дома Лены Котёночкиной, где временно жила Аня, сначала выбежали девчонки, а после и моя спасительница.

Арина и Марина сходу напросились в гости, но я-то знал, что они боятся выпустить её из вида, поэтому и решили сопроводить. Аня переоделась в спортивный костюм, собрала волосы на макушке, сменила туфли на удобные кеды, а вместо брендовой сумки в её руках был небольшой рюкзак, из которого торчали бутылки с питьевой водой.

Девчонки просто взяли её в плен, повисли на руках, радостно заливаясь, когда Аня подхватила их игру, и они как воробушки начали одновременно прыгать по ступенькам веранды.

— Мы опаздываем! — крикнул я и махнул рукой. — Техническое поражение захотели?

Бандитки ускорились, первыми прыгнули на заднее сиденье, расселись в своих автокреслах и даже самостоятельно защелкнули ремни безопасности.

— Ты ещё не передумала? — я распахнул переднюю дверь и помог Ане с рюкзаком.

— Давлатов, а ты вот нарочно жути нагоняешь? — она смущенно улыбнулась и поправила выбившийся локон челки.

Да, нарочно... Мне словно проще справиться с тем, что Аня передумала и поняла, что отец-одиночка — это априори тяжело, а холостяк с близнецами — невозможно.

Я даже нарочно не звонил всю неделю, хотя если честно, я вообще не понял, как выжил-то! Мне пришлось слетать в Москву, собрать вещи, подготовить документы, экстренно обойти нужных врачей, закрыть комиссию и стойко вынести прививки, а также забор крови. Но вот вечером, когда бандитки, лишившиеся двери в своей комнате, засыпали, я сидел в гостиной на диване и думал лишь о том, чтобы услышать голос Смоловой.

Идиот?

Ещё какой!

А теперь смотрю в её глаза, и мне стыдно. Как щенок нашкодивший. Трусливый, слабый, недостойный звания мужчины. Ну, или я опять сгущаю краски.

— Ты обиделась? — тихо спросил, когда малявки на заднем сиденье принялись делить домашнюю пастилу, которой их угостила Дудина.

— Нет, — Аня рассмеялась, прислушиваясь к спору девчонок. — Арсений, я всё понимаю... Трудно не только мне, но и тебе. Правда, как говорит моя суровая и предельно прямая подруга Лена Котёночкина, есть нюансы...

— Какие? — я вырулил из ставшего родным переулка и направился к детскому садику.

— Мне кажется, что с трудностями мы столкнулись быстрее, чем поняли, что происходит, — Аня смущенно сложила руки на коленях, теребя кожаную ручку рюкзака. — Я так точно себе напридумывала проблем с Эверест...

— Ты мне нравишься, — вдруг выдал я и обернулся... Аня бледнела так стремительно, что стало неловко.

Идиот! Солдафон прямолинейный!

Но в тот момент я нутром понял, чего хочет слышать Аня. Не миллиона комплиментов, не извинений за неделю молчания. Она ждёт опоры, точки, от которой можно оттолкнуться и начать всплывать.

— Я давно разучился ухаживать, решив, что больше мне это не пригодится. Я грубый, местами циничный, резкий, и привык решать все вопросы самостоятельно...

Наверное, я бы наговорил ещё множество антирекламных лозунгов, обрушающих мой рейтинг до нуля, но меня остановила Аня. Она тихо зашептала, чтобы случайно не подслушали девчонки:

— Я трижды была замужем, и всегда все заканчивалось одинаково. Мужья садились мне на шею и ждали, когда я решу все их проблемы. Для них я была супругой, партнёром, но не женщиной. Арсений, если тебе нужен только партнёр, то давай сразу останемся друзьями. Я с удовольствием буду помогать с девочками, но зато буду знать...

— Всё, что ты должна знать — это что ты мне очень нравишься, Аннушка, — я чуть нагнулся, ощутив, что на заднем сиденье закончилась суeta, и бандитки наострили уши, пытаюсь понять, о чем мы шепчемся. — А ещё я приглашаю тебя сегодня... в кино. Ты давно была в кино?

— Тысячу лет не была, — Аня снова улыбнулась, украдкой смотря на мою руку, что накрыла её тоненькие пальчики.

— Все уже здесь! Папа! Мы опоздали! — загорланили Арина и Марина, буквально на ходу отстёгивая ремни безопасности.

— Если вы сейчас же не сядете, то мы вообще никуда не пойдём! — мне пришлось повысить голос, хотя делал я это крайне редко, но это именно то оружие, которого так боятся девчонки.

Мы припарковались у детского сада, Аня вытащила из машины Марину, а я подхватил Арину. Девочки молчали, лишь переглядывались, пока мы двигались по тропинке к заднему двору детсада, где уже было шумно и многолюдно.

Девчонки не замечали любопытных взглядов, не слышали шепотков, и только мы с Аней прекрасно понимали, что пойдя на поводу детских желаний, сами себя загнали в ловушку общественного осуждения.

Мы так внезапно стали центром всеобщего внимания, что даже немного смутились. Особо ярко перешептывались женщины, кивая на Аню, а мне не осталось ничего иного, как догнать её и приобнять.

Так мы и шли... Гордо вскинув головы, чтобы не показать, что нам и без их осуждения безумно страшно.

Аня тут же взяла все в свои руки, вписала нас в список игроков, повязала ленточки и начала инструктаж к первому конкурсу.

От неловкости не осталось и следа! Первая часть соревнований была одиночной. Аня вырвала первые три очка, прокрутив обруч дольше всех, мне пришлось бегать и срывать кольца с деревьев, близняшки рисовали семейный портрет, ну а в финале нас ждал решающий командный конкурс.

— Это не спартакиада, — хрипел я, вслушиваясь в монотонный голос ведущего. — Они убить нас хотят!

— Спокойствие, — Аня тоже еле дышала, её футболку можно было выжимать. Выбившиеся локоны намokли от пота и стали пружинить в упругие локоны, щеки полыхали румянцем, а в глазах поселился азарт. — Мы сделаем этих Городовых!

— Вам капец! — хором вопили близняшки, кривляясь перед ещё одной семьёй, что оказалась в финале.

Мои бандитки не просто кривлялись, они прямо угрожали, благо семья не имела никакого отношения к юриспруденции, иначе у нас могли бы возникнуть проблемы.

Всех слабых конкурентов мы уже вынесли, и теперь перед нами была молодая и очень спортивная семья. Мы с Аней хрипели и опирались друг о друга после челночного бега, а наши противники посмеивались и делали вид, что даже не напрягались!

— Уважаемые финалисты! Последний конкурс будет самым сложным... Он называется «Болото». Семьям в полном составе нужно преодолеть дистанцию от старта до финиша, используя лишь две пластины, не коснувшись земли ногами... Нужно перебросить одну, перейти на неё всей семьёй, а освободившуюся перенести вперёд... И так до самого финиша.

— Нееет, — заскулила Аня, прекрасно понимая, что у противников есть фора. Их в отличие от нас трое!

Да и мужичок в той паре был сухоньким живчиком, я в сравнении с ним был каким-то плечистым гигантом.

— Так как в одной семье на одного участника больше, у вас есть несколько секунд, чтобы принять решение, — сжалился ведущий. — Вы можете уравнивать шансы на победу, оставив одну из дочерей ждать вас на финише.

— Ещё чего! — вскрикнула Аня и махнула кулаком. — Вместе!

— Да!!! — закричали девчата, и я понял, что шанса проиграть у нас просто нет.

Нам выдали две пластины, на которые мы вчетвером едва уместились. И пришлось экспериментировать сразу... Поднял на руки Аришу, места стало больше, но вся тяжесть по переносу досок свалилась на Аню.

— Так, Марину тоже забирай! Прыгать будем, иначе не успеем, — рычала Смолова, краем глаза следя за противниками.

И я принял её слова как приказ. Подхватил девчонок и как мог подталкивал ногой тяжелую пластину, пытаюсь помочь. Аня так ловко приседала, поднимала тяжесть, помогала перепрыгнуть. Ей было тяжело, но эта смелая женщина не сдавалась. Она набрала такой темп, что мы с легкостью вырвались вперед... А после послышался треск.

И когда нам до финиша оставалась всего пара метров, одна из пластин треснула, сокращая площадь вдвое!

Толпа гудела, невесть откуда взявшиеся Ломовы что-то кричали, Фёдор с Матвеем размахивали руками, предупреждая о приближении соперника, а мы были в ужасе.

— Нет! — простонала Аня. — Мы не уместимся!

— Мы нет, а я — да! — я на время поставил девчонок, сам подхватил обломок и зашвырнул его как можно ближе к финишу, а после присел. — Ань, давай на спину.

Смолова взобралась, крепко схватилась за шею, следом запрыгнули и Марина с Ариной... И всё, что мне оставалось — это перепрыгнуть на последний осколок, не коснувшись ногами земли.

— Сеня, — шептала Аня, едва касаясь губами мочки уха.

— Пап, давай! Ты самый сильный! — вопили близняшки, распаляя и без того хлещущий адреналин.

Мне не было места даже чтобы оттолкнуться. Но я это сделал!

Чёрт знает, откуда взялись силы. Я, обвешанный девчонками, сиганул на сломанный кусок, а после перепрыгнул за линию финиша, и по заднему двору садика разнесся торжественный марш в нашу честь.

— Уррра!!!! — кричали дочери, а я повалился на землю, увлекая за собой и Смолову.

Аня хохотала, заливаясь смехом, пытаясь выпутаться из моего хвата, а после нависла над моим лицом и тихо прошептала:

— А ты, Давлатов, из тех, кто всю семью из огня вынесет, да?

Глава 11

Аня

«Жду через полчаса! Если не приедешь, я группу захвата отправлю в мэрию!»

Как дурочка читала сообщение и кружилась, кружилась, пока старенькое кресло не закрипело в возмущении. Эта свойственная Арсению тяга к приказам совсем меня не отталкивала. Наоборот... Мне отчего-то это очень даже нравилось.

— Анна Витальевна, вы уходите? — секретарь коварно улыбнулась, правда, тут же взяла себя в руки, не желая конфликтовать со мной.

И её я понимала тоже... После той спартакиады мы вообще стали главной сенсацией в городе. Только ленивый не обсудил, что Аня Смолова залётного силовика склеила.

А ну и что?

Склеила же? Значит, на что-то ещё гожусь?

— Так, я все подписала, — быстро толкнула по столу папку с документами и начала собираться. — Передайте всем начальникам, что завтра в десять совещание. И не дай бог кто-то не явится! Надоели мне ваши больничные, простуды и диареи с геморроями. Их послушать, так сплошные больные люди за город отвечают. А ведь можно это исправить!

— Так им и передать? — Лизавета Никифоровна откашлялась, намекая на то, что я перегибаю палку.

— А так и передайте! Лизавета Никифоровна, то, что город маленький, а субсидирование мизерное, не должно быть отговоркой. За маленьким хозяйством проще ухаживать, вы как женщина меня понимаете. А если кто-то не хочет выполнять свои обязанности, значит, нужно освободить должность и спокойно спать на завалинке! — я сдернула плащ и поспешила вон из кабинета.

— Так и передам... — протянула Лизавета и вернулась на своё место. — Меня это тоже касается?

— Лизавета Никифоровна, скорее вы правите в этом городе, чем я, — я рассмеялась и махнула на прощание. — До завтра!

— Анна Витальевна, удачи в кино!

Зараза... Всё-то она про всех знает.

Я смеялась, пока бежала под дождём к машине, смеялась, пока ехала до дома Давлатова, и перестала улыбаться, когда заметила у ворот паркующийся кортеж джипов.

— Это ещё что за сборище? — присвистнула, но тут же отогнала мысль, решив, что в новенькие коттеджи просто въезжают новые соседи.

Как ни странно, но наш тихий город все активнее привлекал к себе внимание горожан. Здесь можно спрятаться от суеты, расслабиться и отдохнуть на выходных. Кстати, это нужно завтра обсудить на совещании. Если мы не монетизируем приток дачников, то кто-то непременно это сделает за нас.

Толкаться я там не стала, поэтому свернула в переулок и вошла через заднюю калитку.

— Тётя Аня!!! — завопили малявки, заметив меня через окна террасы.

Эти шкодницы, наплевав на льющий с самого утра дождь, рванули мне на руки и оглушили радостным визгом. Я уткнулась носом в их макушки, вдохнула сладость клубничного запаха и тихо застонала. Что может быть приятней?

— Мариш, я мокрая!

— Ну и что?

Видеть улыбающуюся буку, искренне радующуюся моему появлению, было настоящим счастьем. Девчонки быстро стянули с меня мокрый плащ и потащили его в прихожую.

— А где папа?

— А папа моется, — хихикнула Марина.

— И брется, — как обычно, дополнила Арина.

— Не брется, а бреется, — усмехнулся Арсений, вышагивая из ванной.

И я как девчонка вспыхнула... Смотрела на этого соблазнительного великана и млела. Давлатов, и правда, чуть укоротил щетину, но полностью сбривать её не стал. Да и вообще, выглядел он так, словно мы не в кино собрались, а на приём к очередному генералу. Даже простая футболка и черные джинсы шли этому красавцу не меньше, чем смокинг.

— Привет, — Арсений машинально шагнул вперед, приобнял меня, но целовать не стал.

И вдруг по дому пронесся опечаленный хоровой вздох. Девчонки замерли, словно только этого не ждали! Им было мало объятий, они рассерженно переглядывались, а Марина и вовсе пробурчала:

— Что эти взрослые вообще без нас могут?

— Точно! — Арина тоже надулась и прыгнула на диван. — Да если бы не мы...

— Малявки, — цыкнул Арсений, и дочери притихли.

— Ну, хотите, мы никуда не пойдём? — я присела на корточки перед девочками и взяла их пухлые ладошки в руку.

— Ага... Тогда папа вообще тебя никогда не расколдует!

— А я что, похожа на жабу? Ква-а-а-а... — я готова была кривляться, лишь бы они перестали ворчать и улыбнулись.

Близняшки расхохотались, мгновенно забыв о том, что только что обижались, и снова повисли на мне, как игрушки на ёлке. Но веселье наше длилось недолго, в дверь вдруг постучали, причем так тихо, робко.

— Не похоже на Ольку, — буркнул Арсений и прошёл в холл.

— Ну? Давайте, жду заказов, — я машинально стала поправлять распушившиеся по-детски куцые хвостики. — Что вам привезти из города? Игрушки? Пазлы?

Я смотрела в эти две хитрые мордочки, запоздало сообразив, что глазки девчонок округляются от удивления.

— Мама? — вдруг шепнула Арина, глядя куда-то мне за спину.

Я обернулась так резко, что чуть было не потеряла равновесие. В дверном проёме, цокая тонкими шпильками, стояла высокая брюнетка. Она сжимала ручку чемодана, колёса были грязными, дождевая вода стекала по красному пластику, расплываясь уродливыми лужицами по чистому полу. Но, кажется, ей было всё равно...

— Привет, мартышки, — радостно воскликнула брюнетка и присела на корточки, раскинув руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.